

Александр КОЗИН

г. Электросталь

Московской области

Эта повесть возникла неожиданно. И совершенно случайно. Дело было так. Однажды, вынося мусор, я наткнулся во дворе возле помойки на большой пакет с книгами. Это мода такая в последнее время — книги выбрасывать. Раньше собирали. А теперь... Не в силах пройти мимо, я подобрал этот пакет и принёс домой.

Но, вывалив его содержимое на пол в прихожей, я был разочарован. Несколько детективов карманного формата. Какие-то брошюры о здоровом образе жизни. И уйма старых открыток. Но среди этого хлама оказалось несколько увесистых конвертов. Сохранившиеся почтовые штемпели отсылали меня на 30 лет назад — в незапамятный, едва ли не былинный 1985 год.

Конверты были потрёпанные, пожелтевшие и чрезмерно пухлые. Будто раздувало их от важности. И почерк — торопливый, прыгающий и летящий, как самолёты старинные взлетали: разбег, скок, скок — и в небе. Но в нём ещё легко просматривались палочки, крючочки и петельки забытого чистописания. Имя и фамилия в графе «Кому» выводились с особой старательностью. Даже сейчас виднелись следы двух или трёх каллиграфических обводков.

Читать их было весьма непросто. Так же, наверное, как общаться с горячечным больным. Вялые жалобы. Внезапные цветистые декламации и клятвы. И вдруг: «А помнишь?» — и отскок в какое-то недавнее отчаянно светлое далеко. Продирался с трудом. Пока не вчитался толком. Пока не понял, что и сам слегка заболел. Я вообразил себя на месте адресата и заново перечувствовал каждое слово, каждое предложение, каждую обмолвку. И решил, что имею право воссоздать начало этой истории. Истории вполне тривиальной. Но для её героев всё было впервые.

Труднее всего было закончить эту повесть. Мне очень не хотелось расставаться с героями и тем, уже далёким, таким не похожим на нынешнее, временем. Я будто пережил новую юность и в очередной раз понял, что её не вернуть. Много, наверное, ещё будет, а вот такого — уже никогда. И это, как ни крути, очень грустно.

Нынешнему читателю многое может показаться странным. Но из уважения к минувше-

му веку и его людям я не стал ничего осовременивать. Да и где, скажите, в веке нынешнем я нашёл бы такой материал? В электронной почте? В эсэмэс-диалогах? Смешно...

И вот ещё странность, с которой трудно примириться. В детстве и юности, услышав слова

«прошлый век», мы представляли себе дам в чепцах и шляпках и мужчин в сюртуках и цилиндрах. Всё это казалось какой-то небывальщиной. А теперь не успели состариться, как глядь — и сами уже прошлый век. И ничего с этим не поделаешь...

Ленка старательно срисовывала налечник. Карандашом. В блокнот. Присев у палисадника на одну ногу, изогнувшись так, как могут только девчонки. Зажав карандаш до белизны пальцев. Самозабвенно и азартно высунув язык и еле слышно пыхтя. Штанина потёртых джинсов высоко задралась, являя наивный, некрикливый контраст чуть разбавленного индиго с сильно разбавленным топлёным молоком. И сзади над поясом молочная полоска. С двумя тёмными соринками — родимыми пятнышками. Под краем бежевой рубашки навывпуск. Но тут ещё приглядеться надо, чтобы заметить. Куда интереснее в блокнот краем глаза заглянуть. Ленка не очень-то и скрытничает. Неумело у неё выходит, невразумительно. Но похоже. Особенно вон тот голубок на самой макушке налечника. Прямо как живой. А ещё интереснее просто смотреть на Ленку. Женька только сейчас понял, что может смотреть на неё бесконечно. Что ему приятно смотреть на неё. Начинается где-то под ложечкой будоражащая щекотка — и хочется смотреть ещё и ещё. Не отрываясь. Это было ново и ошеломительно. Скажи кому — нипочём не поверят. Если честно, и самому не верится. Но как, как такое могло случиться?

А началось это три дня назад. Как анекдот. До сих пор без смеха не вспомнишь. Вечером мама будто невзначай вспомнила, что к Марье Степановне, соседке через три дома, племянница внучатая приехала. Откуда-то не то с Урала, не то с Севера. Хорошая девочка, скромная. Ему ровесница — тоже в восьмой перешла. Алькой, кажется, зовут. Марья Степановна так её называет. Скучно ей. Ходит по двору, яблоки грызёт. Ты бы, говорит, познакомился с ней, что ли. Город показал. Всё лучше, чем по улицам слоны слонять да по кинам дурацким шлындать.

Женька аж подскочил. А потом руками замахал — ну, ни дать ни взять мельница. Ещё чего! Только этого ему не хватало! Он же не знает, как с

ней... Тут же обхождение нужно, разговаривать, ухаживать, заигрывать, нет уж! По городу её водить?! Чтоб пальцами показывали? Жених и невеста? Благодарим покорно...

— Дурак ты, Женька, — только и сказала тогда мама.

Он не обиделся. Он привык. Как его только ни называли — и дураком, и бирюком, и нелюдимом. Но родители-то чего лезут? Будто непонятно, что не надо этого ему пока. Не дорос ещё. Сами же чуть что — мал ещё. Ну, какие девчонки в четырнадцать лет? Чушь собачья. Впрочем... Никто ж не заставляет его жениться. Просто поговорить. Вдруг умная? Надежды на это мало, если вспомнить его одноклассниц, балаболок, зубрилок и злючек... Может, он как-то не так на них смотрит? Впрочем, как ни смотри, не очаровывают. И с чего, скажите на милость, этой северяночке быть другой? Нет уж. Ну её к чёрту. Скучно ей, видите ли. А он тут при чём? «Алька... Алька... — постукивало в голове. — Ни фига себе имечко... Это что ж, Алевтина, что ли? Час от часу не легче...»

На следующий день он и забыл об этом. Родители надавали кучу поручений по хозяйству. Пока разделался с прополкой и поливом, пока в магазин сходил за хлебом, пока картошки начистил для обеда, пролетело добрых полдня. Но день был длинный. Как и все летние дни. Каникулы вроде, а вот не знаешь порой, куда себя деть. По городу прогулялся, в пару дворов зашёл, с приятелями побухтел. Скучно. Объехал на автобусе магазины в поисках новых авиамodelей. Старьё одно, в Москву надо. А под вечер засунул себя в летний кинозал в горпарке. На «Четыре мушкетёра». В сто двадцать пятый раз. Всё равно смешно. Но уже не очень. Впрочем, сойдёт от скуки. Шёл домой — и всё корил себя за неправильную жизнь. Вот и ещё один день проерундил. А как ещё жить-то? Был помладше — интереснее было. Выбирались всей семьёй на юг или к родствен-

никам на балтийский берег, а теперь — дома и дома уже третий год. Невелик интерес слушать, как по вечерам вяло и нудно перебраниваются родители. Как урок какой отвечают — заученно, однообразно и нехотя. Тьфу! Лучше уж в кино посидеть... День прошёл — слава богу. И вздрогнул вдруг. Вспомнил вчерашний разговор с мамой — и почувствовал, как неудержимо мрачнеет на душе. Ведь не отстанет, пожалуй. Начнёт, чего доброго, рассказывать, какая славная девочка эта Алевтина, как она хорошо учится и не грубит взрослым... О, господи, за что? Но чему быть, того не миновать.

Смирившись с неизбежным, он подошёл к калитке и услышал, как из крана во дворе льётся вода и мама звенит посудой. А с кем это она разговаривает? Сама с собой, что ли? Слышен только её голос... Нет. Тут беседа. Но с кем? Не слышно... Да мало ли с кем! Страсть, как не хотелось ни с кем встречаться, здороваться, изображать учтивость. Но не ждать же на улице, когда уйдут!

И, вздохнув, Женька повернул ручку замка и вошёл во двор. За кустом смородины, где был кран, возилась у мойки мать, видно было, как мелькал меж ветвями и листьями её халат. А на скамейке поодаль, под яблоней, что-то синело. Стиснув зубы, он вышел из-за куста, громко брякнул: «Здравствуйте!» — и хотел было уже повернуться, чтобы уйти в дом, как вдруг увидел там, на скамейке, вовсе не надоедливую болтливую тётку из многочисленных маминых знакомых, а самую обыкновенную девчонку. В синих мягких «варёных» джинсах и синей же, с белой каёмкой на вороте, олимпийке в неплотную обтяжку. Бросились в глаза её распущенные по плечам волосы — длинные, светлые, чуть в рыжину, будто не голова у неё, а лампочка. Неяркая, ватт на сорок — не больше. Сидела она скованно, стеснительно, испуганно, подвернув ноги под скамейку и зажав коленями сомкнутые ладошки. Белая. Нет, не бледная. Именно белая. Как молоко. Худовата, правда. Щёки впалые. И глаза большие. Всё остальное надо было разглядывать, подойдя ближе, а этого как-то не хотелось. На его приветствие девчонка деревянно кивнула, прошелестела что-то и, кажется, сжалась ещё больше.

— О! — воскликнула, оглянувшись, мама. — Вот и Евгений Михалыч пожаловали. Знакомься с гостьей, Женя. Это Леночка. Двою-

родная внучка нашей Марьи Степановны. Из Кирово-Чепецка, во как!

Они лишь кивнули друг другу. Чего говорить, раз всё за тебя сказано. Леночка... Надо же, всего-то-навсего. Но и ладно. Так лучше...

— Ну, что стоишь угрюмишься? — легонько хлопнула его по спине мама. — К тебе гостья-то. Книжку какую-то попросить хочет. Чего вы оба как немые?

— Ну... Пошли, — пробормотал Женька и зашагал к крыльцу. Леночка едва не вприпрыжку — за ним. У ступенек сандалии скинула, босиком по половику затопала. Воспитанная... Насилу вспомнил о приличиях, вперёд её пропустил. А ничего себе жердина, ему по переносицу... Даже укололо что-то вроде досады. Женька не без основания считал себя рослым. Ещё бы: на построении класса второй после дылды Юрика Былинкина. И какая-то девчонка вот-вот его догонит. Ещё не конфуз. Но близко.

Женькина комната — она же и библиотека — была маленькой, квадратной, в одно окошко. Вся стену — и половину противоположной, до кровати — занимали книжные стеллажи до потолка. Ещё бабушка собирала. А перед солидными и неприступными, как крепости, корешками многотомников застыли на подставках сборные модели самолётов. Женькина страсть. Леночка распахнула свои круглые, выпуклые, как у лягушки, глаза, запрокинула голову и ошарашенно приоткрыла рот. Женька не выдержал и хихикнул.

— Вот это да... — прошептала Леночка. — Целый музей... Никогда не видела... Можно я... просто погляжу, а?

Голос негромкий, стеснительный. Так у них в классе девчонки-тихони урок отвечают. Будто захлёбываются. Женька великодушно двинул плечами. Нам, мол, не жалко, смотри себе.

— Ой! — неуклюже всплеснула она руками и потянулась к маленькому самолётику прямо перед ней. — Можно? Ух ты... Это какой? Спортивный какой-то, да?

Она бережно и как-то ласково даже держала самолёт в руках. И распахнутые глаза удивлённо, доверчиво и мягко глядели на Женьку. Он не знал, кому предназначался этот взгляд — ему или самолёту. Но потеплело в груди. И очень захотелось улыбнуться. Потому что на него так ещё никто и никогда не смотрел. Но удержался. Сох-

ранил строгость и солидность. Вот ещё — перед девчонкой расплываться! А глаза у неё серые. Глубокие. Прохладные. И рот почти до ушей. И губы всё время шевелятся. Будто сказать что-то хочет, да всё раздумывает как. Но заговорил Женька. Да так охотно и пространно, что аж сам себе поразился: никогда не знал за собой подобной речистости.

— Нет, это истребитель. «И-16». «Ястребком» называли. Геройская машина... — и, воодушевляясь восхищёнными жаркими искорками в прохладных глазах, принялся взахлёб рассказывать Леночке о Поликарпове, о Чкалове, о Викторе Талалихине, о страшных небесных боях в начале войны. Как насквозь прошивались «ястребки» из немецких пулемётов. И вот такие, дырявые, как дуршлаги, дотягивали до аэродромов... Он, кажется, слишком увлёкся. Потому что, замолкнув, чтоб набрать воздуха, увидел, что Ленка, держа в руках самолёт, деревянно сидит на его кровати, не в силах пошевелиться.

— Ну, хватит уж... — опомнился он, прикидывая, нет ли у него температуры. — Замучил, небось...

— Рассказывай... — прошептала девчонка.

— Ну, нет уж! Теперь ты рассказывай давай, — по-хозяйски упёр руки в боки Женька. — Кирово-Чепецк... Это где ж такой?

Если честно, то наплевать ему было где. Но больно уж название заковыристое, ни разу не слышал. Залюбопытало.

— А... На Вятчине, — с непонятным испугом в глазах пролепетала она. — Кировская область. Маленький такой городок... На самой Вятке... Это река такая, — на всякий случай пояснила Леночка. Будто он совсем дурак.

— Далече... — сочувственно покивал он. — А надолго к нам?

— Не знаю... Нет, наверно. Телеграммы вот жду. От родителей. Они на юг собрались. Поедут — дадут телеграмму, а я к ним в вагон в Москве подсяду... Так что скоро...

— Вот навьдумывали-то! — ворчливо вздохнул Женька. — Там же сейчас не протолкнуться, на юге-то... Самый сезон... Жарко, тесно... Тьфу!

— Это из-за меня. Мне гланды весной вырезали... Жуть, еле вытерпела... И вот... Прописали море. Вот и жду... Да ладно, это неинтересно, — отмахнулась она. — Ты про самолёты давай...

— Да ну, поздно уж... Ты... приходи... — это то-

же как-то само собой сказалось, не собирался он её приглашать — ещё десять минут назад не собирался... — Завтра. Ну, если хочешь...

— Хочу... — кивнула она, рассыпав волосы по синеве олимпийки. — А можно... книги посмотреть?

— Валяй, — махнул рукой Женька.

Ленка поводила носом у ближайших полок, нагнулась, выпрямилась и потянулась выше. Это было чудно. Библиотека приключений и всё, что Женька считал интересным, стояло гораздо ниже. Он придвинул ей старый венский ревматический стул и, пораздумав, подал руку.

— Нет. Я сама, — тряхнула она волосами. И вскочила на стул. Бесшумно, как кошка. А Женька всё на ступни её глядел. Приподнятые на цыпочки. Просто близко оказались. Надо ж на что-то смотреть, в конце концов...

— Ого! Вот! — обернулась она к нему с толстым серым томом заливчатского французского усача Мопассана. — Тут «Милый друг» есть, давно ищущу... У нас в библиотеке нарасхват.

— Любовь-морковь... — пробормотал Женька, чувствуя прежнюю — чуть завистливую — досаду. — Ну-ну...

— Ага... Но какая! — взмахнула рукой Ленка. Стул жалобно скрипнул. — Вы, мальчишки, не понимаете... Скажешь, и Шекспир — морковь?

— А ты и его читала? — вздрогнул Женька.

— Ага... — неуверенно затих её голос. — «Ромео и Джульетту». И «Леди Макбет». Правда, не осилила... Но пыталась... Ай! — взвизгнула она и покачнулась. Стул тихо затрещал, и у него подломились раскоряченные ноги. На глазах в стороны расплзлись. Женька успел подскочить, и Ленка, как музейная статуя, упала на него. Не знал он, как обращаются с такими вот статуями. А сообразить не успел. Слишком быстро оказался на полу. А Ленка — на нём. Как на матрасе. Вскочила тут же. Поднялся и Женька. Он предельно стукнулся локтем и затылком.

— Чего творите-то? — раздался строгий голос стоящей в дверях мамы. — Что за грохот?

— Говорил я, в костёр этот стул пора... — едва опомнившись, проговорил Женька, косясь на Леночку. Та стояла, вся сжавшись и прикрыв ладошкой рот. — Полез за книгой, а он хрясь... — и виновато развёл руками.

— Молодец, — покачала головой мать. — Видала его, а? — это она уже Ленке говорила. —

Несграбный-то! Вот и сиди теперь на чемодане! Горе моё...

Женька, повинувшись какой-то бессознательной подсказке, пошёл провожать Ленку до дома. Она молчала и лишь временами осторожно взглядывала на него. Молчал и он. Понимал, что надо бы вроде о чём-то говорить, но не находилось нужных слов.

— Жень, — несмело заговорила она первой. — Как же ты теперь без стула-то? Это ведь я...

— Да брось... Забудь. Рухлядь. Всё равно сломался бы... — пробормотал он.

— А ты... Прямо как настоящий рыцарь, — совершенно серьёзно, без обычной в этих случаях девчоночьей подколки покачала она головой. Не улыбнулась даже. — Спас меня... И потом не выдал...

— Да чего ты... Глупости! — отмахнулся он.

— Жень, а ты тоже, значит, в восьмой перешёл? Как и я? Здорово! Ну, и как учёба?

— М-м-м! — скривился он, как от зубной боли. Вот уж правда, нашла о чём спросить!

— Надоело? Мне тоже, — вздохнула она. — Знаешь, как подумаю, что скоро первое сентября — аж страшно...

— Да ладно! Ты, небось, отличница...

— Ты что? — в свою очередь замахала руками она. — Ещё не хватало... Так... Умеренная хорошистка...

— А я троечник. Закоренелый. И вообще, скорее бы... В техникум пойду.

— В самолётный?

— Хорошо бы... Лен, а почему тебя Марья Степановна Алькой называет? Ты же Ленка... А я уж боялся, что ты Алевтина...

Леночка прыснула и рассмеялась. Негромко. Отчаянно морща короткий, торчком посаженный нос и запрокинув голову.

— Алевтина... Ой, не могу... Нет! Это от Алёнки. Ну, Ленка — Алёнка — Алька... Нравится ей так... Мне? Мне — не очень... Ленкой — лучше... А ты откуда знаешь? — удивлённо распахнула она глаза.

— Слухами земля полнится, — умудрённо покачал головой Женька. — Тут не скроешься. Все соседи знают. «Испорченный телефон» называется, слышала?

— Уж эта мне баба Маша... — вздохнула девочка. — Ну, я пришла... А книгу я быстро... Прочитаю — и верну. Ты не беспокойся...

— Можешь не спешить... Ну, как тебе у нас? Скучаешь, небось?

— Так... Чуть-чуть. Вернее, скучала. А теперь... Не знаю... — и хитровато прищурилась на него. Легонько. Мельком. Из-за густой золотой пряди.

— Пойду я. Правда, поздно уже..

— Ну, бывай. Заходи...

Ленка пожала плечами, губами шевельнула неслышно — и скрылась за калиткой. Так и кончилась их первая встреча. Женька вернулся домой, вынес сломанный стул и поджёл во дворе. Демонстративно. Стемнело уже, а он всё стоял, ворошил догорающие угли и вспоминал Ленкины глаза, её восхищённое «рассказывай», модель самолёта в её руках и их внезапное приземление. Потирал ушибленные места — и опять вспоминал. И улыбался рассеянно. Уж больно не вязалась эта Ленка с его представлением о девочках. Необычная? Да ну... Вроде ничего особенного... Интересная? Начитанная? Нет, тоже не то. Не в этом дело. Хотя Мопассан и Шекспир — это, конечно, сильно. Красивая? Хм... Царевна-лягушка. Но всё-таки больше царевна, чем лягушка. Лягушка в молоке, вот она кто... Женька сдавленно хихикнул и тут же нашёл недостающее слово. Она — настоящая. Она не притворяется. Не выделяется. Не кокетничает. Она с ним как с другом. Она... «Искренняя?» — пришло в голову столь уместное у костра словечко. И смутило. Слишком громкое. Хватит с неё и настоящей... Зайдёт ли завтра? Хорошо бы... Ну, а нет — и ладно. По крайней мере, ему сегодня себя упрекнуть не в чем.

Но под вечер следующего дня что-то неясное, смутное, но настойчивое зашекетало вдруг, заежило у него в груди. Он бродил по двору, вздыхал и чаще обычного выглядывал через палисадник на пустую улицу. Тесно было дышать. Томило. Пройтись бы, развеяться. Взял ведро, пошёл на колонку. Она рядом, как раз напротив дома Марьи Степановны. Пока наливалось, всё на калитку поглядывал. Рассердился на себя в конце концов — что за дурь, из-за чего, собственно? — ругнулся шёпотом, подхватил ведро — и домой. Взялся пыль выгирать на своих самолётах. И как запнулся, взяв в руки маленький «И-16». Вид у самолётика был лихой и настырный. Женька почувствовал вдруг, что улыбается. И проклятая, тянущая щекотка в груди сменилась вдруг неожиданной волной тепла. К самым глазам подсту-

пила. Да что ж это такое-то, в самом деле... Встряхнулся, глянул в окно — и вздрогнул. Ленка! Собственной долговязой сине-белой персонею! Идёт себе по улице лениво так, нога за ногу, в землю смотрит. Будто таблицу умножения повторяет, губы шевелятся... У самого дома приостановилась чуть, глянула опасливо, переступила нерешительно, повернулась — и обратно... Ну, врётся! Не уйдёшь! И Женька очертя голову бросился вон из дома. Окликнул. Она замерла, оглянулась — он думал, опасливо, но поймал взгляд — вполоборота, из-под волос, загадочный и величавый. Значит, догадывалась. Значит, ждала.

И битых три часа бродили они по улицам. Дотемна. До фонарей. До первых звёзд. Ленка дышала глубоко и наслажденно. Воздух и впрямь был вкусен. Пахло травой, доносило откуда-то дымок, а в огородах только что закончили полив, и из-за заборов поднимался свежий и терпкий запах мокрой земли и помидорной ботвы. В Ленкином городе, оказывается, ничего такого и нет. Современный он, Кирово-Чепецк. И воздух тяжёлый. Там большой химкомбинат. «Дышать темно», — смешливо пожаловалась Ленка. Только Вятка да леса вокруг спасают. А тут — город вроде, а всё как в деревне... Чудно! Слушал Женька, отвечал на её вопросы, задавал свои и с удивлением понимал, что ему с ней интересно. Интересно и легко. Её вовсе не надо развлекать, забалтывать, ухаживать... Она простая. Простая и... какая-то взрослая, что ли. Умная — и без всякого там девчоночьего обезьянства. Даже нелюбимые Женькой разговоры о школе оказались с ней увлекательны и смешны. Особенно уморил его Ленкин рассказ о том, как пару лет назад она играла в футбол. Команда была смешанной — мальчишки и девчонки. И ей крепко досталось в лицо мячом. Прямо по носу.

— Я руками вот так закрылась — и сажу... — опустила она на корточки, уткнув лицо в ладони. — Думала, сейчас зареву, а никак... Всё онемело, носа не чувствую, как маска какая-то... И дышать не могу... Только хлопаю... Так и не смогла заплакать, представляешь? — убрала руки и взглянула на него. Смешливо и жалостливо.

Глядел на неё Женька — и улыбался. Непривычно для себя улыбался — мягко и, ему показалось, нежно. Как только это ему показалось, он пригасил было улыбку, но она не слушалась. Лезла и лезла на лицо... Он не понимал

этого «не смогла заплакать», но это было так мило и откровенно, что поневоле подумалось: не знает он о девчонках чего-то важного. Главного. Того, что мельком почувствовал сейчас в Ленке. И только сейчас осознал, что она по-настоящему нравится ему.

Уже потом, дома, он всё пытался отогнать эту навязчивую мысль. Слегка стыдился даже. Ругал себя, вспоминал нарочно всякие неприятности. Но эта новая, добрая, чуть шальная и растерянная улыбка сама собой то и дело озаряла его.

Ну, а сегодня захотелось Ленке, видите ли, город посмотреть. Он заупирался было, а она ему: «Эх ты! В такой красотище живёшь — и не замечаешь! Да у вас же каждый дом — хоть картину пиши!» И не знал Женька, гордиться ли ему городом или стыдиться собственной серости. Да, полно в центре старинных купеческих домов. Ну и что? Эка невидаль-то... Оказалось, невидаль. В Ленкином городе таких нет. И не было: город новый. Нет, она бывала, конечно, в других городах. Но как-то мельком, на бегу. А тут можно не спешить. Никто не гонит по магазинам и совершенно неинтересным родительским друзьям. Смотри себе — обсмотришься, тем более с таким провожатым... Эти слова она сказала запросто, лишь знакомо из-за волос на Женьку покосилась. С лёгкой лукавинкой. И Женька старался. Из всех сил. Не переставая удивляться своему открывшемуся вдруг таланту рассказчика. Чего не знал — придумывал. А Ленка слушала, смотрела — и черкала то и дело карандашом в большом, как альбом, блокноте.

— Зачем тебе? — недоумевал Женька.

— А для вышивок. Ты вот самолёты собираешь, ну а я... Каждый по-своему с ума сходит, — хихикнув, пояснила она. — А такого ни у кого нет. А у меня — будет. Хочешь самолёт твой вышишь? Это просто... И тебе подарю? Впрочем, нет... — притихла вдруг она. — Лучше себе оставлю...

И дар цветистой словесности оставил вдруг Женьку. Теперь он только смотрел. И молчал. И лишь время от времени тайком взглядывал на своё отражение в тёмных окнах, приосанивался, оправлял над резинкой новых спортивных штанов футболку и закидывал на лоб тёмно-каштановую, до бровей, лошадиную чёлку. И не понимал зачем.

Ленка всё ещё пыхла над полюбившимся ей наличником, когда Женька, оглянувшись,

увидел, как к ним по улице приближается его одноклассник Юрка Былинкин. Его нельзя было ни с кем перепутать. Вопреки фамилии, он походил скорее на оглоблю. Длинный и худой, как царь Кошей. Вот ещё не хватало-то... Всё бы ничего, да вот беда — язык у него без костей. Женька еле слышно чертыхнулся. Ну да не бежать же от него...

— А, Женька, здорово! — только ещё подходя, крикнул Юрик. Это вообще было в его манере — приветствовать друзей издали. Случалось, даже через улицу. А то и через площадь. Голоса хватало. — Вон ты где! А я как раз от тебя... На ловца и зверь...

Леночка вскочила и поспешно одёрнула рубашку. Глухо звякнули длинные бусы из замысловатых глиняных завитков. Юрка подошёл и долго глазел на них ошеломлённо. Как на инопланетян.

— Жень... Тут это... — растерянно пробормотал он, опомнившись. — Такое дело... Поход у нас завтра намечается... С ночёвкой. Все наши будут. Ты как?

— Поход? Надо же, отважились-таки... — буркнул Женька. — А я — никак, — и развёл руками. — Гостя у меня. Лена. Троюродная сестра. Из Кирова. Так что... Сам понимаешь.

— А... — непонимающе сморгнул он и в упор уставился на Ленку. — А, ясно. Здравствуйте. Юрий, — представился он, будто только что увидел её. При этом он поклонился, кругло согнувшись, как вопросительный знак.

— Лена... Очень приятно... — как-то испуганно щебетнула девочка.

— И мне... — растянулся в улыбке Юрка. — А чего вы? Вместе давайте... Компания — что надо, вон Женька знает...

— Не выйдет, — вздохнул Женька. — Завтра в Москву едем. Надо ж человеку столицу показать. Когда ещё...

— А... Ну, понятно... — многозначительно оглядел их Юрка.

— Ну, будь. Счастливо. Кланяйся там от меня, — заторопился Женька. — Лен, пошли. Собираться надо.

Уже на ходу Женька мельком оглянулся. Юрка стоял на прежнем месте живописным столбом и глядел им вслед.

— Жень, а почему сестра? И из Кирова? — вкрадчиво спросила Леночка.

— Ну, так понятней. Объяснял бы я ему сейчас с полчаса про твой Чепецк... Отвязались — и ладно...

— Ну, а сестра почему? — не отставала Ленка.

— А потому же самому. А что — не надо было?

— Да нет... Мне даже приятно. Взял — и сестрой назвал, здорово. Только вот как-то... Друг же, а ты ему врешь.

— Хм... А у вас в городе что — не сплетничают?

— Думаешь, болтать будут?

— А то! Хлебом не корми, лишь бы кого пообсуждать. Делать-то нечего.

— Странно. Мальчишки вроде не такие уж болтуны...

— Не такие, — согласился Женька и криво усмехнулся. — Хуже.

Он замолк. В голове творилась полная неразбериха. Он-то думал, что боится дурацких насмешек над собой. А теперь чувствовал совсем другое. Плевать на то, что скажут о нём. Но будет очень неприятно, если начнут глупыми языками трепать о Ленке. И если до него это как-то дойдёт, то конец всем друзьям. Немного уже значили для него школьные друзья. Так, видимость. Но её лучше было сохранить, чем обрывать всё бесповоротно. Но объяснить это связно Ленке он пока не мог. Пришлось бы отвечать на вопрос: «А почему?» И попробуй тут ответь...

— Женька, а насчёт Москвы... Тоже соврал? — еле расслышал он за раздумьем.

— А? В Москву? А ты поехала бы? — резко остановился Женька — так, что Леночка, звякнув своим глиняным монисто, мягко налетела на него сбоку. Её глаза так и горели.

— С тобой? Конечно... Спрашиваешь...

У Женьки аж сердце ёкнуло. Сладко так. И чуть испуганно. Хотел было переспросить, будто недослышал. Но вовремя себя одёрнул.

— А отпустят? — сипло выговорил он и прокашлялся.

— А чего? — двинула плечиками Ленка. — С тобой-то... Не одну ведь. А ты там всё знаешь? Не заплутаем?

— Не дрейфь. Прорвёмся... — задумчиво пробормотал Женька. Прикидывал, что он знает в Москве и, главное, сколько у него карманных денег. Рублей пять с копейками. На немецкую модель «Ил-62» копил. Чёрт с ней, подождёт ради такого-то дела... Целый день с Ленкой! В Москве! По-взрослому! Даже в груди защемило от

предвкушения. — Главное, чтобы тебя отпустили. Ты давай обрабатывай Марью Степановну. Пошли. Нечего время терять. Глядишь, завтра и рванём! Только давай сначала ко мне заскочим, посидим, решим куда. У меня свободно: родители в гости ушли.

Но, подойдя к своей калитке, Женька вдруг осунулся и погас. Из дома слышались топотня и визги родительской перебранки. Рановато вернулись. К горлу подкатила знакомая тошнота. И отчаянный стыд перед Ленкой. Насилу смог взглянуть на неё и руками развести. Виновато и досадливо. Видишь, мол, что делается...

— Да чего ты? — участливо заглянула она ему в сумрачное лицо. — Ругаются — это хорошо. Хуже, когда молчат... Вот тут впору из дома бежать!

— У тебя тоже? — выдавил Женька.

— Чудят, — кивнула Леночка. — А нам-то знай талдычат — переходный возраст... На себя бы посмотрели... Жень, да плюнь ты! Пойдём ещё побродим, пусть успокоятся. Говорят: милые бранятся — только тешатся. Вот и пусть их. Идём! Да идём же, что ты, как телёнок! — и потянула его за руку от ворот.

А потом сидели они на траве за забором чьего-то заросшего огорода. Ленка — с видом задумчивой барышни, обняв колени, а Женька — подвернув под себя ногу и нервно изламывая пальцами сорванную ветку.

— Ты, Женька, просто не понимаешь, — терпеливо умиротворяла она его. — Они тоже люди. Вот представь: живут друг с другом двадцать лет... С ума ж сойти можно. Вот и скучно им. Перебесятся, ничего. Я, знаешь, тоже, когда у моих такое начинается, беру своё вышивание, альбом — и в сквер на скамеечку. Рисунки всякие придумываю... И утешаю себя — мол, фиг с ними, пусть... А вот у меня есть своя жизнь. Маленькая, но моя... — и Леночка упрямо поджала губы.

— Ленка, да это как-то по-старушечьи... — улыбнулся Женька. — Ещё б вязание прихватила... Ну, а друзья... Подруги как же?

— Да ну, неинтересно. И вообще, ненавижу плакаться. Если надо — и одна от души пореву, ну их всех! Знаешь, так вот сижу иногда — и думаю: что-то ведь должно такое в жизни случиться... Хорошее. Чтобы — раз! — и изменилось всё... Раньше хоть брат был, всё не так скучно. Да вот в армию ушёл. Да, Жень! — заразительно хихикнула она. — Ты ж один в

семье... Ну вот и скажи им — брата хочу. Или сестрёнку. Верное дело! Мигом вся дурь повыскочит, не до того будет!

Женька прыснул и коротко хохотнул. А потом откинулся на спину и заржал, как ретивый конь. Вообразил, что будет, скажи он такое родителям. Но отлегло от души. Мигом. Как живой водой промыло.

— Ленка, ты... Ты уникал! Ты гений! — отсмеявшись, выдавил он, вытирая глаза. — А сестрёнка у меня уже есть. Троюродная. Из Кирова...

Теперь засмеялась Ленка. Смешно взвизгнув и закрыв лицо ладошками.

— Вот и слушайся. Плохого не насоветую. Жень... А чего тебе в поход-то не сходить? Друзья, как-никак, — мгновенно посерьёзнела она. — Если ты из-за меня, то...

— Ну вот... — с деланным огорчением протянул он. — Чтобы я такую сестру на каких-то друзей променял... Ну их. Надоели! Дружили когда-то... Хорошо дружили. Но прошло... Не то всё.

— Вот-вот. Так и у меня с подругами. Не то, — вздохнула она.

А потом они кружили окрестными улицами, и небо снова ободряюще подмигивало им ранними, неяркими ещё звёздами.

— Ленка... — решился-таки Женька на рыцарское признание. И тут же увидел, как вскинулись на него её глаза с отблесками звёзд и тёплыми искорками в глубине. — Знаешь, так хорошо с тобой... Никогда так не было! Так легко... Ты с полуслова понимаешь... Чудеса какие-то...

— Да ну — чудеса... — махнула рукой Ленка. — Скажешь тоже... Просто мы с тобой в чём-то похожи. Вот и всё. Я тоже, если честно, не думала... Даже знакомиться с тобой не хотела. Но баба Маша все уши прожужжала — ах, Жень, Жень... Такой необыкновенный, такой интересный — не пожалеешь!

Женька прыснул. Уж больно похоже изобразила она кудахтанье Марьи Степановны.

— Ну, мне надоело, я и пошла... Просто чтоб отвязаться. Иду и думаю: ну зачем? Мальчишек никогда не видела? Все одинаковые... И поняла, что не все. Когда ты мне про самолёт рассказывал. Когда меня со стула поймал. Да вот и сегодня... когда сестрой назвал. Ну и что, что нарочно соврал? У тебя это так душевно получилось, все бы так ввалили...

— Ленка... А оставайся у нас! Вот бы здорово

было! — вдруг выпалил Женька. Как с горы очертя голову кувыркком слетел.

— Ты серьёзно? — подняла она голову и встретилась с ним глазами. Несмеющимися. Немигающими.

— Да я понимаю... — вздохнул он.

— Да... — отозвалась она с грустью. Но тут же задорно тряхнула волосами. — А я осталась бы. Мне теперь у вас очень нравится! — и ярко улыбнулась ему.

Засыпал этой ночью Женька трудно. Всё хотелось поглядеться в зеркало. Никогда такого с ним не бывало раньше. Но зеркало было далеко. И он, вертясь и сбивая простыню, представлял себя со стороны. Ну что в нём такого... Мордастый, толстощёкий, с широким, лаптеобразным носом... С вечно нечесаными вихрами и дурацкой чёлкой. Иванушка-дурачок. Уж никак не Иван-царевич. И сам мешковатый, тяжёлый, как гусь... Лапчатый. Увалень, одним словом. В школе, бывает, и тюфяком дразнят... Глаза? Карие, но совершенно невыразительные. Ленивые... Скучный. Молчаливый... Ну что, скажите на милость, нашла в нём Ленка? Нельзя сказать, что был он в этих раздумьях совсем уж искренним. Но от них на душе становилось тепло и волнительно.

А утром следующего дня они уже тряслись в электричке. У окна. Друг напротив друга. Женька ради торжественного случая надел чёрные парадные брюки. И рубашку модную. Клетчатую. Шёлковую. Шуршащую. И Ленка была совсем новая. В лёгком летнем голубом костюмчике. Футболка с рукавчиками чуть ниже плеч, такого же цвета шорты, а на ногах — гольфы. Тоже голубые. Хоть сейчас ракетку в руки — и на теннисный корт. Ей удивительно шла синева и её оттенки. Синее на белом... И она, кажется, знала это. Вон сумочка через плечо — плоская, как маленький планшет, — и та лазурная какая-то... Вот только сандалии всё те же. Серые. Растоптанные.

Взглядывали мельком друг на друга, улыбались тихонько — и дружно отводили глаза на окно. Но там смотреть было не на что. Рельсы, деревья, провода да полустанки... Женька то и дело косился на Леночку. И, как ни одёргивал себя, не мог не взглянуть на её кремово-белые, открытые выше колен ноги. Отнюдь не тощие, как казалось ему ещё вчера, когда она была в джинсах. Нет. Вполне себе крепкие и полнокровные... И

коленки вовсе не острые, а круглые, как два яблока «белого налива»... Тьфу, да что он, в самом деле! Разве ему не всё равно? Разве это важно? Но как ни укорял себя, глаза, будто повинуюсь неведомому магниту, сами опускались вниз. И чего она только так вырядилась? Для юга, говорит, с собой взяла. Ну вот на юге бы и красовалась...

Ленка, заметив судорожные метания его глаз, положила на колени сумочку и демонстративно отвернулась к окну. Но это мало помогло.

— Ленка... — наклонился он в её сторону. Лучше было что-то говорить, чем ломать глаза и смущаться. — Лен, а что это ты губами всё время шевелишь? Сама с собой разговариваешь?

— А заметно? — тоже приблизилась она к нему лицо. Так, что её смешливые глаза, показалось Женьке, поплыли в разные стороны. Но иначе расслышать что-нибудь за грохотом колёс было нельзя. — Не знаю... Привычка такая... Дурацкая. Никак не отвяжется. Знаешь, иду однажды, о своём думаю, а навстречу дядька какой-то. И так странно на меня смотрит. Остановился. «Чего-чего?» — говорит. А я и ничего... Уже и забыла. А у тебя, между прочим, тоже губы шевелятся, когда молчишь. Я видела!

— Ну, два сапога — пара... — глубокомысленно отозвался он.

Постояли с полчаса на Красной площади. Ленка заворуженно, взлетев на цыпочки, глядела поверх голов, как под перезвон курантов вышагивает вдоль кремлёвской стены почётный караул. Она всё это только на картинках видела. И по телевизору. Она не знала даже, что звёзды на башнях не только ночью, а и днём тоже горят. И сейчас горят. Иначе чёрными бы казались.

В сквере у Большого театра Ленка всё пыталась срисовать в свой блокнот Аполлона на колеснице. Потом, обернувшись, — башенки и балкончики «Метрополя». И всё сокрушалась, бедная, что не взяла фотоаппарат. У неё есть. Маленький такой, простенький. «Смена» называется. Да вот, недотёпа, оставила дома...

А в Третьяковке Женьке показалось, будто Леночка уже не раз бывала тут. С такой уверенностью и воодушевлением таскала она его по залам. И чувствовал себя Женька если не полным бревном, то уж точно Буратино. Даже нос, кажется, вытянулся. Это была какая-то заоблачная высота, и нечего было даже и думать, чтобы подняться до неё и сравняться с Ленкой. Но странно:

самолюбие больше не кололо его. Наоборот, что-то тёплое и радостное поднималось в нём ей навстречу. И глядел он уже не столько на картины, сколько на неё — лёгкую, очарованную, устремлённую, как стрела. Вернее, стрелочка. Бело-голубая. С золотым остриём.

— Фу-у... — пространно выдохнула девочка, когда они вышли из галереи. — Утопалась, не могу... Пошли посидим где-нибудь...

В сквере еле нашли свободную скамейку. Ленка с наслаждением припала к бутылке пепси-колы.

— Ух ты... Вкусно... Ведро бы выпила... — отдуваясь, призналась она.

— Пей, — протянул Женька свою ополовиненную бутылку. — Не лопни только. У вас что — нет её?

— Да какое! — отмахнулась. — Только «Бура-тино» да «Дюшес»... А это... Это вещь... — в перерывах меж глотками частила она. — Зубы от неё скрипучие!

— Да? — заморгал Женька. — И правда, скрипят! Никогда не замечал!

— Да что ты вообще замечаешь... Женька! А народищу-то в Москве! Прямо муравейник... Мне рассказывали, но чтобы так...

— А это приезжие всё. Вроде нас с тобой...

— Хм... А москвичи где? По домам сидят? Чудно... Слушай, а тут когда-нибудь бывает пусто? И тихо? Ну, чтоб никого-никого?

— Ну разве что по утрам. На рассвете. Ещё и машин нет, одни поливалки по улицам плещут... Видел один раз. Здорово, необычно так...

— Ага, — в тон ему продолжила Ленка, зажав бутылку меж коленями и мечтательно прикрыв глаза. — И девчонка какая-нибудь босиком по лужам шлёпает... Туфли в руках несёт. Усталая, а улыбается...

— Ну, это из кино... — рассмеялся Женька. Нехотя. Лучше бы она молчала, а он смотрел бы и смотрел на неё.

— Да, кажется... — чуть смутилась Леночка. — Ну, а откуда же... Мы там у себя так всё и представляем... А что? Не бывает?

— Не видел... — двинул плечами он. — Бывает, наверно. А тебе, небось, самой так и хочется вот так пройтись... По мокрым улицам... Со свидания какого-нибудь... А, Ленка? — и озоровато подмигнул.

Ничего не ответила она. Только глянула за-

гадочно. Многозначительно. Знакомо. Из-за волос.

— Ну что, мечтательница? В зоопарк? Или... — помолчав, спросил Женька.

— Или! — тряхнула головой Леночка. — В Парке Горького, говорят, аттракционы страшные есть... Поехали, а? Далеко?

— Да нет... И пешком можно... Только жарко... Но красиво. Мосты, виды... За час доплетёмся. Ты как? Потянешь?

— Спрашиваешь! Я зачем приехала? Москву смотреть! Вот и показывай...

И потянулись мимо них старые московские переулки. А потом — свинцовая, схваченная гранитом гладь Водоотводного канала.

— Вон там — Болотная площадь... Сейчас не помню, как называется. Там раньше смутьянов казнили. А вон там, за домами — Москва-река. А за ней — Кремль. Всё близко...

— Ой, какая же я дура... Вот дура из дур, что фотоаппарат не взяла! — опять завела своё Ленка. — Красотища-то...

— Ничего-ничего... — утешал Женька, и ему это очень нравилось. Так и хотелось положить на её голубое плечико дружескую руку, но было страшновато. — На фотографиях — не то. Фотографию просто покажешь — и всё. А так — запомнишь, и будет что рассказать. Это лучше...

— Фу, вот только машин полно, дышать нечем... Ой! — вдруг остановилась она, задрала голову и потянула носом. Аж задвигался он, коротенький, из стороны в сторону. — Женька, что это... Откуда... Так сладко...

— А-а! — рассмеялся он. — Это тебя приветствует самая вкусная фабрика в мире! «Красный Октябрь», слыхала? Во-он она, краснеет! Видишь?

— Ага... Женька, конфет хочется! Шоколадных! Ужас как хочется, не могу...

В ближайшем магазине им посчастливилось. Только что привезли свежие «Ласточку» и «Кара-кум». Взвесили им с десяток, вперемешку, Женька, мысленно крякнув, хотел уже раскошелиться по-рыцарски, но Леночка хлопнула его по руке и расплатилась сама. Так и шли до самого Крымского моста. Наслаждались. Она — конфетами, а он — глядя на неё.

— Счастливая... — то и дело подначивал он.

— Ага... — сквозь набитый рот смущённо отзывалась Ленка.

В парке начали с обхода аттракционов — ста-

рой Ленкиной мечты. Покрутились на «Сюрпризе», поболтались на «Русской тройке», где их то и дело тесно приваливало друг к другу. Для Женьки в этом не было ничего особенного, но вот у Ленки глаза были совсем сумасшедшие. Впрочем, у него почему-то тоже. Отстояв огромную очередь, поднялись к самым облакам на высоченном «Чёртовом колесе». Ленка, побледнев, опасно озиралась, но не переставала всячески обзывать себя из-за оставленного дома фотоаппарата. Когда она назвала себя «распустёхой», Женька усмехнулся. Стерпел и «дурынду». Но на слове «расписля» прервал свои экскурсоводческие комментарии и зашёл в хохоте.

— Вот это молодцом! Так и буду тебя называть!

Ленка, нахмурив похожие на метёлки пырея бровки, остро взглянула на него. Как уколола.

— Попробуй только!

— А чего? И назову... Назову!

— Не назовёшь.

— А вот... Нет, — поник вдруг он. — Не назову... Не получается... — и замолк. Не назвал бы, конечно. Никогда бы не назвал.

— Ты, Ленка, прямо порох какой-то... — вздохнул он, сходя вместе с ней на землю. — Уж и подразнить нельзя...

— Тебе — нельзя, — окинула она его своим — уже привычным — взглядом принцессы из-под золота волос. И отвернулась.

— Ну, погоди! — пригрозил Женька. — Тогда потащу тебя на самый страшный аттракцион! — и зловеще выпучил глаза. — Ох, заверещишь!

Вагонетка «Американских горок» судорожно тряслась, лязгала, скрипела, переваливалась на бешеных виражах, взмывала в небо, отвесно падала вниз, грозясь вытряхнуть седоков. Женька еле успевал захлопнуть разинутый в вымученном хохоте рот, чтоб не выскочило сердце. Смеяться и вправду не хотелось. Но это было лучше, чем просто орать. Ленке-то простительно — знай повизгивает. Не очень-то слышно: такой шум и крик вокруг, да ещё и музыка гремит. Только когда взмывали вверх и Ленка откидывалась на него, — она впереди сидела — он слышал её тоненькие вскрики. При этом она всякий раз умудрялась запрокинуть ему на плечо голову, и он видел её глаза. Хохочущие. А потом летели как в пропасть, и белели Ленкины пальцы, судорожно сцепившиеся в поручень...

Сойдя с аттракциона, они долго ещё в ка-

ком-то помрачении молча шагали по аллее, то и дело приостанавливаясь, сталкиваясь плечами и ошалело моргая. И только в каком-то глухом углу у набережной опомнились, взглянули друг на друга и рассмеялись.

— А ты, Ленка, совсем белая была! Прямо как мел!

— А ты... — и тут она запнулась, и Женька увидел, как улыбка сползает с её лица. Глаза вдруг распахнулись широко и тревожно. Глядели они ему за спину, и Женька тут же резко обернулся.

Он долго гадал потом, откуда взялись возле них эти трое. По всему выходило, что нарочно за ними шли. Уж больно удачно подловили. Дранные джинсы. Обвисшие треники. Кеды. Расстёгнутые до пупка рубахи. Опухшие рожи со следами синяков и ссадин. Колючий недобрый прищур глаз. Один постарше и покрепче. Двое — Женькиного примерно возраста. Хлипкие с виду, но тёртые. Битые. Вот тут-то у него по-настоящему сердце в пятки ушло. Куда там «Американским горкам»... Стоял, холодел и лихорадочно прикидывал, что делать. Бежать? Не выйдет. Они уже взяли их в полукольцо. За спиной — парапет набережной. Можно было бы рискнуть напролом, к людям куда-нибудь — вон сколько народу за деревьями мелькает, — но с ним Ленка. Он не сможет. Он просто не позволит себе. Он не переживёт потом...

— Гуляем, значит? Отдыхаем? Молодцы... — процедил сквозь зубы старший. — А девочка ничего... А, мужики? — и подмигнул своим, скосясь зачем-то при этом на Женьку. — Какая неженка... Ну-ка, дай ножки пощупаю... Вон там, под штанишками! — голос был деланно-приблатнённый, с искусственной гнусавинкой. Он шагнул к Ленке, но Женька загородил её.

— А тебе чего? — приблизил к нему лицо старший. — Гуляй. А вот с девочкой пообщаемся... А, красавица? Да отойди ты, Матросов! — и крепко толкнул Женьку в плечо.

Тот лишь покачнулся. И еле успел отшатнуться от его кулака. Удар пришёлся костяшками по нижней губе, скользящий. Слабый. Но клацнули зубы и посолонело во рту. «Бей... Бей, не жди...» — мухой бились в голове слова отца, наставлявшего его для таких случаев. А он-то, дурак, всё думал, не пригодится... Но главный противник, обскочив его, уже тянул руки к Ленке, а на Женьку сыпались удары его пехотинцев. На него нас-

какивали, заламывали руки, махали ногами, пытаясь попасть по лицу. Он лениво отвечал. Мах правой. Задел одного по носу. Хук левым локтём — промахнулся по морде второму. Успел лишь скосить глаза — и увидел, как Ленка отбивается от их предводителя. Неумело, но отчаянно. Всё дальше и дальше отступая к парапету. И вот тут вскипело бешенство. Невиданное. Нежданное. Звериное какое-то. Он коротко взревел — и принялся совать кулаками направо и налево. Не разбирая. Не целясь. Обидчики скакали вокруг него, как собаки вокруг медведя. Ловкость и опыт делали своё дело. Неумелый Женька уже выдыхался. Левое ухо глухо звенело. Губе досталось по второму разу. Нос был разбит, и из него текло. «Только б не повалили... Только б не упасть... Тогда как», — беспорядочно колотилось в голове вместе с сердцем. Но повалили не его. Сзади раздался короткий, хриплый, удивлённый вскрик и тяжёлый звук падения. Будто мешок с картошкой уронили. Агрессоры чуть замешкались, и он от души навесил ближайшему по уху. Да так, что он отлетел на пару шагов и присел, схватившись за голову. Второй тут же отпрянул. Женька обернулся — и сам оторопел. Вождь злобных индейцев медленно поднимался с асфальта и осоловело моргал на Ленку. А та, пригнувшись и выставив вперёд руки, похожая на прижавшую уши кошку, стояла над ним.

— Ну! Ещё? Подходи! — срывающимся голосом крикнула она. А вокруг — как нельзя вовремя — стали появляться люди. Одни, набычась, ускоряли шаг и проходили мимо, другие задерживались. Кто-то присвистнул. И голоса. Голоса. Нарастающие. Сначала шёпот. Потом — гомон.

— Уходим! — сдавленно крикнул, вскочив и оглядевшись, предводитель проклятых гуронов. — Ну, мы вас ещё достанем!

И мерзкая компания исчезла в ближайших зарослях. Будто и не было. Только лёгкий ропот вокруг:

— Совсем распоясались...

— Ничего не бояться...

— А девка — молодец... Вон как швырнула! Чемпионка, небось...

— Да все они хулиганы, чего там... Ишь, вырядилась, как футболист...

— Женька, идём! — крикнули ему в оглохшее ухо и потянули за руку.

Очнулся он лишь на скамейке у туалета. Ленка

прикладывала к его переносице мокрый холодный носовой платок. Нос онемел. Губа саднила. А на рубашке красовались две кровавые кляксы. Но вовсе не это волновало его.

— Ленка... — прогундел он в опухший нос. — Ты... цела?

— А то! — усмехнулась она. — Да помолчи же... Пусть кровь остановится...

— Ленка... — и не думал молчать он. — Как ты его? Что это было?

— Ой, не знаю... Само собой как-то... Это брат меня учил. Женька, я так испугалась! — и, упав на скамью рядом с ним, уткнулась лицом в ладони. Провела руками сверху вниз, от лба к подбородку, аж полосы красные остались. — Ты так на них бросился... Как лев прямо! А тому-то как врезал! Как в кино!

— Да ладно... — тускло, из-под компресса, простонал Женька. — Если б не ты... Ох, если б не ты! Значит, брат научил? Ого...

— Ну. В армию он уходил. Приставальщиков, говорил, скоро полно будет, а защитит некому. Давай сама... А я и забыла! И вот... Вспомнила. С перепугу...

— Вот тебе и страшные аттракционы... — хихикнул Женька и тут же тяжело вздохнул. — А вообще, это я дурак. Я же знал, что тут такое бывает. Забылся... Ну, гады, такой день испортили! Ух-х... — и стукнул по скамейке обоими кулаками. — А ты, Ленка, молодчина. Это ведь ты их разгромила. Одним броском... Ну и ну... И не спорь! — повысил он свой насморочный голос. И Ленка, к его удивлению, послушно замолкла. — Ишь, брат научил... В воду глядел... Ну, а меня сестра учит. А, Ленка?

— Да мне-то что... Научу, делов-то... Хоть завтра! — передёрнула она плечами. Прежняя Ленка. Но вот что-то исчезло. Что-то переменялось в ней. Даже глаза другие стали. Восхищённые какие-то. Нет. Об испорченном дне и речи быть не могло.

А потом Леночка начала своё колдовство. Она припудрила ему ссадину на скуле. Вынула из пудреницы кусочек ваты, скатала его шариком и засунула ему в кровоточащую ноздрю. Расстегнула на пару пуговиц его рубашку, отвернула края и заколола двумя булавками. Так, что кровавые пятна стали почти незаметны. Движения её тонких рук с длинными пальцами были не очень ловки, но ласковы. Совсем как глаза.

— Ленка... Да хватит тебе... Ну чего ты... — смущался Женька.

— Не лезь, — смешливо отозвалась она, приглаживая отвороты рубашки. — Ты своё дело сделал. Ты меня защитил... Дай мне своё сделать... И не спорь! — в свою очередь прикрикнула она. Но тут же рассмеялась и легонько ткнулась лбом ему в грудь. Это было слишком ново. Этого нельзя было не заметить. И Женька озадаченно замолк.

Молчал всю дорогу. И в метро, когда поймал в тёмном окне отражённый Ленкин взгляд — долгий и тёплый. И в электричке, когда Ленка, сев у окна, потянула его за руку и усадила рядом с собой. Вплотную.

— Спать хочу... — заявила она, обхватила его руку и привалилась головой к плечу.

Молчал Женька. Ныло и саднило всё тело после рыцарского боя с погаными сарацинами. Кругом шла голова от Ленкиного мягкого тепла. Он осторожно косился на неё и улыбался. Это было больно, и улыбка выходила совсем очумелой. Вот это Ленка... Вот тебе и девчонка! Вон она как может... А если и его однажды вот так же швырнёт? Этого, конечно, он всерьёз не допускал, но восхищённое изумление и лёгкая зависть томительно и сладко тянули за душу. Будто разлилась в груди горячая варёная гущёнка...

— Ох, и денёк нам выдался... — вздохнул он уже у Ленкиной калитки. — Впору неделю отдыхать...

— Ещё чего! — нахмурилась девочка. — Завтра учить тебя буду. Броскам. Ой... Слушай, а ведь родители-то твои заметят... Ну, нос твой и губу. И бабе Маше наболтают, чего доброго... Беда будет...

Женька только головой покачал. С лёгкой горечью. Не заметят. Даже не посмотрят. А завтра, глядишь, и пройдёт всё.

— Не дрейфь. Не выдам, — только и пробормотал он.

— Женька... — вдруг послышался в её голосе странный призыв. — Сегодня лучший день в моей жизни. Правда!

Сорвалась с места и пропала. Только калитка щёлкнула. Огляделся Женька рассеянно — и вздрогнул. У ворот соседнего дома сидела на скамейке Ирка Осокина. Сидела, привалясь спиной к забору, и лузгала, поплёвывая, семечки. И откуда появилась-то, не было ж её!

— Привет, Жень! Семечек хочешь? — и с готовностью протянула ему пригоршню. Это было и

вовсе чудно. В кои-то веки снизошла до разговора с ним. Королевна... Оторопелый Женька лунатически подошёл, машинально протянул руку, и в неё щедро высыпались ароматные жареные семечки.

— Ну? — умудрённо прищурила Ирка свои широко расставленные серо-зелёные глаза. — Свозил девицу в град-столицу?

— Угу... — промычал Женька, не понимая, что ей нужно.

— Ну и как?

— Ничего... — пожал он плечами. В самом деле, что ответишь на это «как»?

— Разговорчивый... Как всегда, — усмехнулась Ирка, хрустнула семечкой, сплюнула шелуху. — Ух ты... Жень, ты что — подрался? — и подалась к нему. Женька предусмотрительно отпрянул.

— Да нет. Мошка укусила какая-то... Вот и раздуло... — закипая, врал он. Вот зараза, завтра все будут знать! Ну, повезло...

— Мошка, значит. А рубашку томатным соком уделал? Ну-ну... Жень, а я гляжу, вы того... Сдружились. Вот не думала-не гадала... Женька... — упал вдруг её голос до влажного, сладкого, непонятно будоражащего шёпота. — А она тебе нравится?

Он аж зубами скрипнул. Ну, а что тут ответишь?

— Ничего... — пробурчал. Но, замороженный Иркиным шёпотом, счёл-таки нужным пояснить: — Интересная...

— Да? — полыхнула глазами Ирка, и промелькнуло в ней что-то детское, дошкольное. Из тех времён, когда не разлей вода были. — Жень, а о чём говорили-то?

Вот брякнуть бы сейчас с маху: «О любви!» Интересно, что с ней делается. Грохнется со скамейки или нет? Но он не сможет. И не потому даже, что враньё... А почему? Чёрт его знает. Не сможет — и всё тут.

— Так, болтали. Не помню... Ир, а зачем тебе?

— Интересно! — опять по-кошачьи сощурилась она. — А тебе жалко?

— Пойду я. Устал, — вздохнул он и пошёл.

— А я всё равно узнаю! Всё-всё! — пропела она ему вслед масляно и язвительно, ни дать ни взять Лиса Патрикеевна.

Уже у самых ворот своего дома Женька очнулся, вспомнил о семечках, которые так и нёс в полусогнутой руке, и, оглянувшись, швырнул их в

траву. И тут же забылись и Ирка, и этот странный разговор. «Лучший день в моей жизни... Правда! Лучший день в моей жизни...» — зазвенел в ушах совсем другой голос. И не умолкал до глубокой ночи. И не понимал Женька, что мешает ему уснуть — саднящие боевые синяки или этот стеснительно замирающий голосок. «Лучший день в моей жизни... Правда?» — померещился ему вопрос.

— Правда... — неожиданно громко, вслух ответил он и тут же заснул.

Полдень был ярким и знойным. На реке трепетала ослепительная рябь. А если взглянуть на тот берег, в заклязьминские дали, можно было увидеть, как дрожит и струится над травами раскалённый воздух. Долго-долго они с Ленкой сидели на песке и шурились, до изнеможения и слепоты глядя в бескрайнюю жаркую пустоту. Она — в простеньком зелёном купальнике. Он — в незатейливых, как семейные трусы, только в обтяжку — плавающих. Полосатых, как комариный зад. Стеснялись поначалу. Руками ниже пояса прикрывались зачем-то, будто голые. Потом ничего, привыкли. Женька даже позволил себе тайком поглазеть. Нет, расти ещё и расти этой лягушке до царевны. Ноги крепкие, длинные, красивые даже... А вот всё, что выше... Тонкие руки. Такие, что ладошки с длинными пальцами кажутся непомерно большими. Впалый живот, аж рёбра видны. А выше — под вялыми зелёными колпачками купальника — невыразительные выпуклости. Будто две плоские ватрушки засунуты. Лягушка и есть. От царевны — только белизна. И волосы... Да и то — когда сухие. Искупалась — и стали они не золотыми, а соломенными. Прилизанными и облипшими. Как сосульки. Ох, неизящны были Женькины мысли... Но не умел он иначе. А ещё он прятал за ними от самого себя своё непонятное, необъяснимое недоумение: ну почему, почему, чёрт возьми, при всех этих Ленкиных несуразностях он, как замороженный, готов смотреть и смотреть на неё бесконечно? Прямо как на звезду, в самом деле... Это опять была высота. Правда, близкая уже: протяни руку — и прикоснёшься. Но ему казалось почему-то, что от этого что-то сломается. Упадёт. И это было настолько непонятно, ново и волнительно, что Женька терялся и блуждал в этом незнакомом лабиринте чувств.

Но прикоснуться пришлось. Вернее, соприкоснуться. Ленка, накупавшись, взялась покаянно звать его броски.

— Ну, наступай... Иди на меня... Хватай... Да смелее, чего ты... Ага! Да крепче, не раздавишь! Вот так... А теперь запоминай. Шаг, захват, поворот, бросок! — и ошеломлённый Женька летел на песок. Ошарашила лёгкость, с которой она швырнула его вверх тормашками. А запомнить... Да где тут запомнить, если только что — вот только что! — держал её в руках и прижимался к ней. Тесно. Тепло. И мягко.

— Женька, да ты весь в синяках! — ахнула она. — Тебе же больно...

— Ерунда... — буркнул Женька, — быстрее заживут! — вскочил и снова пошёл в атаку.

— Гляди: захват, поворот, подсечка, бросок! — и Женька, едва не кувыркнувшись, снова оказался на песке.

Осмелев, он уже с разбегу налетал на неё — и тут же пикировал, как подбитый самолёт. Уже смеялись. Уже хохотали, и Ленка в изнеможении падала рядом с ним.

— Ну, хватит. Отдохнём. А потом ты меня бросать будешь... — отдышавшись, выговорила она.

Вот так и сидели они на песке. Отдыхали, шурясь в солнечную даль. Пока Женька не нашёл в себе сил заговорить:

— Ну и ну... Ленка, откуда ж в тебе столько силы? Я ж не маленький... Шестьдесят с лишним кило... А ты...

— Это техника, Женя... Это не сила. Ты падаешь сам. Я только помогаю. Сейчас поймёшь. Пошли!

И опять затоптались они, закружились на маленьком песчаном пляжике.

— Ну, вспоминай. Шаг вплотную, правая под плечо, захват... Ну же, захватил! Бросок! Ну, чего ты?

А Женька вдруг замер, крепко обхватив её. И понял, что ничего у него не выйдет. Никак.

— Женька! — нетерпеливо дёрнулась она в его руках. — Ну! Заснул, что ли?

— Не могу... Не могу тебя бросить... — одеревеневшими вдруг губами прошептал он.

Она вдруг как-то странно обмякла в его объятиях. Вывернулась, выпрямилась и пристально взглянула на него. Азартная улыбка мигмом съехала с её лица, чуть сжались тонкие губы. И лишь глубокие, прохладные серые глаза коротко и

пытливо перебежали по его лицу, будто спрашивая: «Правда? Правда?» И лёгкий речной ветерок сдувал с её головы в сторону чуть подсохшие — снова золотые — волосы. Так, что видны были только глаза — широко распахнутые и просящие. А он, взволнованный и растерянный, стоял, недоуменно вздёрнув плечи, и виновато моргал, размахивая своими пушистыми — телячьими — ресницами. Он не понимал. Вернее, чувствовал. Ещё как чувствовал, но высказать это напрямую не мог. Этого нельзя было говорить. Ни в коем случае. С минуту стояли они друг против друга. Он мялся, стеснительно одёргивал плавки — и молчал. Ленка в эти трудные — и почему-то отчаянно сладкие — мгновения показала ему старше и взрослее его.

Вдруг она резко отвернулась, шагнула к реке и села на песок, подтянув к подбородку круглые колени и крепко обхватив их руками. Женька бестолково глядел ей в сметанно-белую, плавно изогнутую спину с торчащими лопатками, нежной ложбинкой гибкого позвоночника и двумя ямочками над самой резинкой плавков. И казалось ему, что даже волосы на его голове шевелятся от чудовищного разброда обрывочных мыслей. Он никогда не глядел на девчонок так. Даже вообразить не мог, что такое возможно. Чувствовать её так близко, вплотную, руками, ногами, всем телом... А потом смотреть. Яростно, во все глаза — так, что, пригрози ему самыми смертными муками, он только отмахнётся. И не оторвётся. Ни на миг...

Но это был не миг, а несколько маленьких, но бесконечных минут. Он очнулся вдруг и понял, что у него огнём пылают щёки и уши. Разбежался — и бросился стремглав в воду. Нырнул — и долго, пока не кончился воздух, барахтался под водой, остужая голову. Вынырнул, отфыркиваясь, и осторожно, будто пересиливая себя, покосился на берег. Ленка по-прежнему сидела на песке, глядя мимо него, на тот берег, широко распахнутыми глазами. Две белые коленки — а над ними глаза. И яркий, колеблемый ветерком, ореол волос вокруг этой белизны и синевы. Женька насилу отвёл взгляд и перевёл дух, чувствуя, что опять начинает волноваться. Волнение это было необычным: оно будто поднимало всё внутри и приторно щемило сердце. Это было вовсе не больно, но как-то чудно. Потому что очень хотелось волноваться вот так снова и

снова. Но надо было что-то делать, что-то говорить: уж очень странным было это длинное молчание. Чтобы стряхнуть с себя наваждение, он снова нырнул и, выплыв, подошёл к Ленке.

— Ну... Чего ты? — осторожно спросил он.

— А? — вздрогнула она, и глаза, дёрнувшись и заморгав, остановились на нём. — Нет, я ничего... Жень, посиди со мной, а? — и улыбнулась. Легонько. Чуть разомкнулись губы над крупными влажными зубами.

Женька с готовностью примостился на песке в безопасном... да, безопасном полуметре от неё.

— Да придвигайся ты... Будто я кусаюсь... Что с тобой, такой смелый был?

— А... А с тобой? — выпалил в ответ он и, прочертив задом по песку, оказался почти вплотную к ней. Сердце покачнулось вдруг и яростно заколотилось.

— Не знаю... — вздохнула Ленка, откинула голову и прикрыла глаза. — Сама не пойму, чудно как-то... Женька, ты скажи... Вот объясни мне, почему ты не смог меня бросить? Такой мастерский захват... И вдруг...

— Не знаю. Не могу — и всё. Заколodило, понимаешь...

Ленка прыснула. Но тут же снова посерьёзнела и строго взглянула на него.

— Но это... Это неправильно, — безуспешно попыталась она придать голосу воспитательный тон. — Настоящий борец должен выкинуть из головы всё лишнее...

— Это не лишнее, — упрямо качнул головой Женька. — Тебя бросить я не могу. И не смогу никогда.

— Жень... А другую... — начала Ленка, но замолкла вдруг, глубоко вздохнула и облизнула губы. И Женька опешил. Он понял, что она волнуется. Тем же самым, что и он, волнением. Таким же новым для неё. И едва ли не сильнее, чем он. — Другую девчонку — смог бы?

— Не знаю. Ты — не другая, — еле выговорил он эти совершенно небывалые, неожиданные слова.

— Так, значит... — чуть перебрав по песку ногами, полуобернулась она к нему. — Значит... — нервно запнулась и замолкла.

Женька передёрнул плечами и с прежней виноватостью взглянул в её пылающие глаза.

— Дай мне руку, — и протянула свою. Ленкина рука чуть подрагивала. Она взяла его ладонь, по-

ложила между коленями, чуть зажала и коснулась её щекой. От её тепла сладко заныло в груди, зазвенело в ушах и подкатило к горлу и глазам что-то щекочущее и шиплющее. Впору вот-вот чихнуть. Или заплакать.

— А я-то, дура, швыряла тебя... Избитого... — прошептала она. И взглянула с виноватым страданием, будто ей самой очень больно.

— Ленка, да это другое... Я же сам... — не выдержав, заоправдывался он. Его чуть отпустило. Уже можно было говорить. А главное — смотреть. И он смотрел, как по ярко освещённым солнцем Ленкиным голеням нежно стелется лёгкий спутанный пушок. Совсем как у него на щеках... Издали и не заметишь. А тут близко. Совсем близко...

— Мало ли — сам... А я дура. Дура набитая... — и, резко повернувшись к нему, схватила его ладонями за щёки. Вгляделась. Почти вплотную. Так, что её виноватые, жаркие глаза опять поплыли в разные стороны. А сердце Женькино будто остановилось... Нет, стучит. «Что? Что? Что? Что сейчас будет?» Губы у Ленки шершавые, сухие. Как обветренные. Обкусанные. Вроде улыбнуться хочет, но не получается.

— Ну, ничего... — как-то вымученно проговорила она. — Губа уже нормальная... Нос только припух, но почти не видно...

И вдруг как сорвалась. Тряхнула легонько его голову и зашептала с горячим призывом:

— Женька... Женька... Спасибо тебе. За вчера... И за сегодня... Я просто не поняла... Я вообще... Ничего не понимаю...

Вскочила — и стремглав бросилась в воду, мелькая розовыми, продолговатыми, как лодочки, ступнями в фонтанах брызг. И тупо глядел Женька на её размазанные следы на мокром песке...

Домой шли молча. Бок о бок — и как будто порознь. Женька никак не решался повернуть голову, взглянуть на Леночку, встретиться с ней глазами. И это тоже было непонятно: ведь ничего плохого и стыдного не было. И лишь где-то на полпути он тайком изо всех сил скосил глаза в её сторону. Ленка аккуратно вышагивала, чуть опустив голову и потупив глаза. Она была почти вчерашняя — в том же голубом костюмчике с шортами, только без гольфов. Подсохшие волосы уже начинали наливаться робким электрическим светом. И лёгкий тёплый румянец за-

метно светился на её левой щеке. Она усиленно смотрела под ноги, будто боялась споткнуться. Туда можно было глядеть, не опасаясь встретиться с её взглядом, и Женька с новым для себя наслаждением ловил глазами неторопливый перебор её ног с лёгким пришлёпом сандалий. В прорези их мысков видно было, как приподнимаются на лету и опускаются Ленкины пальцы. Когда девочка ставила ногу и опиралась на неё, розовая подушечка большого пальца белела. Вот и всё зрелище. Но Женька готов был идти и идти, молчать — и смотреть. И пожалел даже мельком, что дом так близко...

— Женька... — подала вдруг голос Леночка. По особенному, мелодичному призыву в голосе он догадался уже, что она улыбается. — Слушай, Жень... — и хихикнула негромко. — А у тебя реснички, как у девчонки. Правда. Пушистые такие, длинные... Мне бы такие.

— Ну, давай поменяемся... — буркнул посмурневший было Женька. Ему не раз доставалось за эти ресницы. Дома — в шутку, а в школе, случилось, и обидно. Но досада тут же улетучилась. Он понял, что Ленка тоже искоса то и дело поглядывала на него. — Я — хоть сейчас, — улыбнулся он и остановился.

Ленкины глаза лучились каким-то неясным стеснительным озорством. Она даже нижнюю губу закусилась, будто решалась на что-то.

— Знаешь, мне сегодня всё время хотелось их потрогать, — со знакомым волнительным захлёбом тихо выговорила она. — Можно?

И осторожно потянулась к его лицу. Пальцы легонько и неощутимо прошли над его глазами. Он сморгнул.

— Мягкие... — выдохнула Ленка так, будто убедилась в чём-то безнадежном. — Как пушинки. А у меня... — и горестно махнула рукой.

Её ресницы были и в самом деле редкие и короткие. Как остриженные. От этого они казались жёсткими. Женька поднял руку и нерешительно прикоснулся. Не сморгнула Ленка. Только глазами повела.

— Зря ты... — выдавил он. — Тебе и так очень хорошо... Тебе не пойдут длинные.

— Ты думаешь? — склонила она голову. — Тебе... нравится?

— Угу... — филином ухнул онемевший Женька.

— Тогда не будем? Меняться? — с лёгкой натугой опять хихикнула она.

— Ну... — замялся Женька, не зная, что сказать. Уж очень чудной разговор. Никто и никогда так не говорил с ним.

— И не надо. Правда, зачем... Себя-то я только в зеркале вижу, а на тебя могу смотреть сколько захочу... — будто сама с собой пробормотала она и, снова потупившись, зашагала, опередив его.

Женька, ошарашенно постояв, бросился догонять. Догнал — и почувствовал её руку в своей. Её длинная ладошка казалась хрупкой и тёплой. Он вспомнил вдруг, как нашёл однажды в траве маленького стриженка. Он не мог взлететь с земли. Женька взял его в руки и подбросил. Птенец молнией взвился ввысь. И теперь ощущение было похожим. И у него, как у того стриженка, отчаянно колотилось сердце.

Так и шли, взявшись за руки. Разнялись лишь, подходя к дому Марьи Степановны. Ленка, махнув ему рукой, прошептала: «До вечера!» — и скрылась за калиткой. А Женька медленно, еле переставляя ноги, поплёлся к дому, всё ещё чувствуя тепло в своей руке и Ленкины цепкие пальцы. Он был в полном смятении. Ну, ничего же особенного не случилось! Побарахтались в реке, на песке повозились... Поболтали о всякой чепухе, особенно о ресницах, аж смешно! Но смеяться не хотелось. Хотелось вспоминать — ещё и ещё — каждую минуту, каждое движение, каждое слово. Вспоминать — и чувствовать, как сладко ноет в груди. До вечера... До вечера... Чёрт, как же далеко ещё до этого вечера, с ума сойдёшь...

Хотел вздремнуть после обеда — не получилось. Слонялся по дому и двору, вздыхал и пил воду. Так натянута всё в груди, аж усталость какая-то и всё кажется — пить хочется.

— Угорелый ты какой-то, — покосилась на него вернувшаяся с работы мама. — Поссорились, что ли?

— Нет... — буркнул он в ответ. Чуть было не ляпнул: «Наоборот!» Но вовремя одумался. Нет. Об этом нельзя. Тем более со взрослыми. Что услышишь в ответ? Ничего. В лучшем случае головой покачают многозначительно, с этакой улыбочкой — всё, мол, с тобой ясно. А что ясно-то? Ему самому ничего не ясно, а уж им-то... Да и ни с кем нельзя об этом. Даже с Ленкой. Она тоже ничего не понимает. Сама сказала... Он чудной, а она ещё чуднее. Реснички... С ума сойти!

Женька даже хихикнул, не сдержавшись.

Глупо как-то. Нервно. Мама пристально поглядела на него.

— Кстати, рубашку твою нашла... Кровь на ней... Что случилось?

— А, голову напекло вчера... Ну и закапало... Бывает, ты же знаешь...

И опрометью бросился из комнаты, не дожидаясь ненужных расспросов.

Шесть часов — это вечер уже или нет? Зимой-то ясно, темно уже, а тут вроде день всюю... Придешь — скажет, чего так рано? Сказано ж было — до вечера. Ну и ладно. Не прогонят, небось... Долго, вздыхая, вытряхивал из кроссовок песок. Долго шёл до дома Марьи Степановны. Долго и тяжело открывал калитку. А потом вдруг стало легко. Легко, светло и смешливо. Ленка восседала верхом на перилах крыльца, привалясь спиной к косяку. Была она в коротких белых трусиках, майке и босиком. Лениво болтала ногами и лакомилась тёмно-красной налитой владимирской вишней из жестяной миски. Именно лакомилась, отрывая губами ягоды с черенков. Губы были ярко-красные. Увидев Женьку, девочка вздрогнула, вскрикнула, соскочила, неуклюже махнув ногой, с перил, столкнула миску, и та, рассыпав остатки ягод, загремела, катясь по ступеням. Из сеней донеслось суматошное шлёпающее топотание.

Марья Степановна возилась в глубине двора с закипающим самоваром. Обернулась на шум, кивнула Женьке приветливо.

— Ну! Вот и Женя тут как тут! Как раз к чаю. Знаю-знаю, ты чаёвник! Не отвертись! — погрозила она пальцем. — Заспалась, видишь, принцесса наша! Только вышла — и ты. Стесняется, — полушёпотом пояснила она, опасливо покосясь в сторону крыльца. — Кавалер, как-никак...

На столе гудел, посвистывал и сипел старинный бокастый тульский самовар-орденоносец. И вторила ему своей бесконечной воркотнёй Марья Степановна. О делах огородных, о соседях, о магазинах. Так и казалось, что разговаривает она с самоваром. А он удивлённо присвистывает, ворчит негодуяще и даже в сердцах плюётся, возмущённый. Складно выходило. Женька и Леночка сидели друг напротив друга и молчали, тупо уставясь в чашки. Ленка оделась по-вечернему — в джинсы и рубашку с вольно открытым воротом — таким, что видны были тонень-

кие косточки ключиц, маленькая ямка меж ними и начало грудной ложбинки. Ложбинка, правда, ещё только обозначалась. Как ручеек дружной весной — широкая и мелкая. Стыдил себя Женька, отводил глаза, усиленно дул в чашку, но ничего не мог с собой поделывать. Но тут Марье Степановне надоело беседовать с самоваром и она вспомнила о них.

— Сейчас, небось, опять пойдёте круги кружить? И не скучно? На танцульки бы в парк сходили. Или в кино. Мы вот любили с мальчишками в кино ходить. Сядешь там на последний ряд — и вытворяй что хочешь...

У Ленки вспыхнули скулы и уши. Женька решительно перевернул чашку вверх дном на блюде.

— Спасибо, тётя Маша. Мы пойдём, — и решительно встал.

— Ладно уж, ступайте. Только чтоб не позже одиннадцати! Имейте уважение!

— Уважим, тётя Маша. Железно! — отмахнул рукой Женька, и они с Ленкой едва не кубарем выкатились на крыльцо.

— Лен, а чего ты... Убежала-то? Подумаешь... На речке-то не стеснялась... — спросил Женька, боясь, что дрогнет голос. Опять поднялось в груди знакомое волнение.

— Ну... — смутилась девочка. — Сравнил! То на речке... Это ж пляж, там так и надо... А тут... Ты одетый, а я... — и она выразительно скользнула ладошками от груди к бёдрам. — Майку вот из-за тебя испортила! Когда спрыгнула, изо рта ягоду выронила, прямо на майку, представляешь? Теперь отстирывать замучаешься...

— Ну, ничего. Память останется... У меня — на рубашке. У тебя — на майке...

Леночка еле заметно вздрогнула и поджала губы.

— Не надо, — прошептала она и взглянула на него тепло и ярко. — Это совсем другое. Жень, а ты тоже застеснялся! — рассмеялась вдруг она. — Ну, когда баба Маша про кино сказанула! Это она нарочно. Она вообще уж какой день над нами хихикает как заведённая... Чудные, говорит.

— Ага. Женихом и невестой не называет ещё? — проворчал Женька.

— Нет... Ну, меня невестой называет иногда... Но она всегда так... Но вот про жениха... — и звонкий смешок из-под ладошки, — не слышала ещё... А ты думаешь, мы похожи?

— Не знаю... Нет, наверное. Но ты ж их знаешь... Не говорят пока, но наверняка ведь что-то такое думают. Все они одинаковые, взрослые-то... Но мне на них как-то наплевать, — от души выпалил Женька.

— И мне, — с достоинством настоящей принцессы изрекла Ленка. — Нам-то что!

И демонстративно взяла его за руку. Только теперь, в самом конце улицы. И видно было, что хотела этого давно. Вышагивала, гордая, откинув голову и жмурясь на вечеряющее небо.

Так они и кружили круги по окрестным улицам, не разнимая рук. Даже на бывшем пожарном, а теперь карасином пруду, когда, встав на коленки, высматривали в воде стоящих у берега мальков. Даже на узкой тропке в глухом проулке меж заборами. Темнота застала их на скамейке в маленьком заросшем скверике. Сидели вплотную друг к другу — и молчали. Женька слушал чуть взволнованное дыхание Ленки — и изо всех сил сдерживал своё. И не понимал, чьё сердце так колотится в его ладони. Её? Или его собственное? А может, оба сразу?

— Жень, — полушёпотом позвала Леночка. — А вот признайся. Ты ведь никогда раньше не дружил с девчонками, правда?

— Правда, — чуть запнувшись, ответил он. — Ну, в детстве разве... До школы ещё...

— В детском саду? — качнула Ленка головой, ворохнув своими яркими, будто светящимися впотьмах волосами. И перетянула замок их нежно сцепленных рук на свою коленку. И свободную ладошку сверху положила. На Женькину. Он, недолго думая, осторожно, словно боясь раздавить, накрыл её своей левой. Зачем? Он сам не мог понять. Но так сделала Ленка.

— Нет, тут, на улице. Ирка Осокина... Соседка ваша. Она меня на год старше, бойкая была такая, прибежит к нашему палисаднику и кричит: «Жень-ка!» Тогда ещё бабушка жива была, невеста, говорит, пришла, ступай гулять... Так-то вот, — и с лёгкой улыбкой покосился на Ленку. — Бродили, носились, по кустам лазили... Пока домой не позовут...

— Хорошо было? — чуть повернула голову Ленка. Так, что он увидел, как из-за её белой щеки выглядывает кончик носа. А на щеке ямочка. Значит, она тоже улыбается...

— Конечно... Ну, а потом она в школу пошла, зазналась... Не захотела со всякой мелюзгой во-

даться... У неё, представляешь, ранец был, красный такой, блестящий. И вот идёт она по улице, увидит меня — и сразу нос в облака, и походка, как у цапли, мол, не вижу тебя и не знаю... Сначала злился, обижался, а потом плюнул и вообще забыл про неё. Так, здороваемся мельком. Соседи всё-таки.

— Погоди-погоди. Ирка? Из соседнего дома? — выдернула левую руку Лена и положила поверх Женькиной.

— Ага. Она самая.

— Жень... Знаешь... Мне кажется, она за мной следит, — с натугой выговорила Ленка, легонько теребя его пальцы. — Вот только оглянусь на забор — всегда она там. И всё к нам в огород смотрит. На меня. Я же чувствую... А то из окна. У них же окна тоже на нас выходят. Раза два видала, как занавеска дёргается. Как думаешь, зачем ей?

— Следит? — изумлённо повернулся к ней Женька. — За тобой? Вот ещё новости... Ума не приложу, бзик какой-то. Ты не обращай внимания. Надоест — перестанет. Тут же любой новый человек — диковина. Вот и смотрит.

— Да мне-то что... Пусть. Чудно просто... — вздохнула — и замолкла. И вот странность: не хотелось Женьке сегодня говорить. Достаточно было просто держать Ленку за руку и молчать. Нет, он молча как будто бы говорил с ней. Думал о ней. И было ему тепло и легко. Так, будто она неслышно отвечала ему что-то хорошее. Будто и впрямь передавалось что-то через горячо сцепленные руки.

— Ленка... — нерешительно, будто боясь чего-то, спросил он, когда пауза показалась ему уже неприлично длинной. — Лен, а ты? Ну, там, у себя... Дружишь с мальчишками?

Еле выговорил. Вот дурак! Ну на кой ему это знать? Зачем спросил? Захочет — сама расскажет. Но поздно уж.

— Знаешь... Хочу дружить, — глуховато и медленно, будто слова подбирала, сказала она, помолчав. — Но вот... Не получается. Школа же, понимаешь... Хи-хи да ха-ха на каждом углу...

— Знакомо, — усмехнулся Женька. — У нас та же петрушка. Шага без оглядки не ступишь. Хоть на край света беги!

— Да? Но вот ты же не боишься со мной по улице ходить? — повела головой в его сторону Ленка. Чуть приоткрылось лицо из-за волос.

— Честно? Сначала боялся. А теперь — нет.

Как отрезало... Не знаю, — и обмяк виновато, как сдувшийся мяч. Плечами обвис. — Ленка, понимаешь... Во мне как переворачивается что-то... Так странно! И здорово, аж горло перехватывает...

— И это... Это всё из-за меня?

— А то из-за кого же? Ты... Необыкновенная какая-то, вот! — собравшись с духом, выговорил он.

— Да ну! — тряхнула она головой. — С чего ты взял... У вас в классе девчонки другие, что ли? Ну и я такая же...

— Сравнила! В классе... К ним и не подступишься, такие вывихнутые! Только заговори — уже чёрт знает что подумают... Ну их! — и опять прикусил язык. А ну как обидится? Но она и не думала обижаться. Сидела — и чертила по земле мыском сандалиии что-то замысловатое. Вроде электрокардиограммы. А ладошка по-прежнему напряжённо лежала на его руке.

— Вот мы, вывихнутые, и уезжаем в другие города и там с мальчишками гуляем, — приснула Ленка. — Женька, это так здорово, оказывается... Знаешь, сегодня, на берегу... Ты был такой... — Ленка запнулась и взволнованно отдышалась. — В общем, Женька, я поняла, что ты... Ну, не последний человек для меня. Ой, только молчи, прошу тебя! — и приложила ладошку к его рту. — Не говори ничего... А то я убегу.

Ладошка Ленкина была тёплая, а самые кончики пальцев прохладные. Ну, не убирай же руку... Ещё поддержи... — и Женька изо всех сил стиснул зубы, чтоб не сказать это вслух. Но почему лезет в голову такая чушь? Он же совсем не это хотел...

— Ленка... — пробормотал он, когда она наконец-то отняла руку. — А я вот до сих пор не пойму, как это... Друг — и девчонка. Ты... У меня...

— Тебя это смущает?

— Что ты! Да я... — и запнулся.

— Да чего такого-то, подумаешь... — как-то вяло пробормотала Ленка, остро и жгуче глядя на него. — Женька... А ты письма писать любишь?

— А? — чуть ошалел он от неожиданности. — Письма? Не знаю... Не пробовал...

— А мне? Хотел бы? — повернулась, перекинула ногу — и села на скамейку верхом, не отпуская его руки. — Садись так же... А то лица не видно.

Тесно соприкасаясь коленями, сидели они теперь друг напротив друга, крепко держась за руки. Лица их были совсем близко. Но вот глаза от-

чего-то боялись встречаться. А у Женьки мучительно заныло в груди. Господи, она же уедет... Она же скоро уедет! Но даже думать об этом было больно. А говорить и вовсе невозможно.

— Не знаю... — вздохнул он тяжело. — Нет, письма — это не то...

— Жень, а ты знаешь, у тебя получится, — воодушевлённо засверкала она своими даже в темноте яркими глазами. — Письмо — это даже лучше разговора. Есть время подумать и не ляпнуть чего-нибудь... А как интересно читать! Ведь не кто-то написал, а близкий человек. О себе... Обо мне... Может быть... — и смутилась вдруг.

— Близкий... Близкий... — очарованно, забыв обо всех грустностях, повторял как заклинание Женька. — Это я... для тебя... близкий?

— А какой же? — тряхнула волосами Ленка. — Разве чужой? Нет. Я будто не пять дней, а пять лет уже тебя знаю... Чудно, да?

— Ленка... — еле дыша, зажмурясь, выдавил Женька. — Да ты... Ты просто...

— Ой... — еле слышно вскрикнула Леночка и судорожно сжала его руки. — Кажется, идут...

Женька прислушался. По аллейке с соседней улицы приближались нетрезвые голоса. Два мужских и женский. Как два воробья, вспорхнули они со скамейки и, шурясь, вбежали в жёлтый свет уличного фонаря. И Ленкины волосы будто вспыхнули и заискрились. Легко и размашисто шагали они по укатанной щебёнке окраинной улицы. Шли — и не разнимали рук.

Радио в чьём-то окне за палисадником выплеснуло позывные «Маяка» и короткие сигналы. «Московское время...» Ленка вздрогнула.

— Двадцать три... Уже одиннадцать! — и схватилась за щёки. — Бежим!

И затопотали беспорядочные, суматошные шаги, засопели носы взволнованно, зашлёпали звонко Ленкины сандалии. Куда и когда могло ухнуть столько времени? Как ни прикидывал на бегу Женька, как ни считал — ничего не выходило. Впрочем, и не мог он толком сосредоточиться. Вот и дом Марьи Степановны. Остановилась Ленка, отдышалась, глянула на него испытующе.

— Ну? Прощаемся? — тряхнула она головой, брызнув огнём волос.

— Придётся, — вздохнул Женька. — До завтра, Ленка. Ты сегодня... — и он потряс головой, не в силах подобрать слово. — Ты — чудо. Вот!

И сконфузился.

Ленка прыснула, стремительно шагнула к нему, коснулась ладонями его плеч и, чуть склонясь, приникла на миг щекой к груди.

— Женька, сегодня было так хорошо... — прошелестела она одними губами и в один прыжок оказалась у калитки. — До завтра!

И исчезла. Только лёгкий стук и лязг задвижки вывели Женьку из столбняка. Он машинально шагнул в сторону калитки, потом, опомнившись, повернулся и лунатически побрёл домой.

Но едва лишь он оказался у себя на террасе, как лицо его неудержимо расплылось в осторожной улыбке, а глаза вспыхнули мягким огнём. Ленка была здесь. С ним. Он продолжал чувствовать её тепло, её руку в своей, её ладошки на своих плечах и осторожное прикосновение щеки... Ей можно было сказать что-то. И получить ответ. И ему казалось, что вот сейчас она улыбается. Лежит, раскинувшись, на диване, глядит в потолок — и улыбается. Совсем как он. Или он — как она? Ой, запутаешься тут...

Разделся, нырнул под одеяло. Чёрт, проклятые комары... Вскочил, и, пока воевал с ними, сон улетучился. А Ленка, небось, уже дрыхнет... Одеядо скинула — жарко! — и калачиком, колени к себе подтянув. Она гибкая. Ей легко... И опять разволновался Женька. До густой слюны. До сердечных перебоев. Что ж такое? Уж не заболел ли он? Одно ясно: надо успокоиться. Сейчас ему всё равно не уснуть.

Вышел на крыльцо, глубоко вздохнул. Но тёплый летний травяной воздух ещё сильнее закружил ему голову. Он постоял, шало закусив нижнюю губу, и, перекинув ногу, уселся верхом на перила. Вот так... Вот так она сидела сегодня. И ногами болтала... Колоски росшей у крыльца тимофеевки остро шекотнули голую ступню. Женька наслажденно вздохнул и зажмурился, откинувшись спиной на косяк двери. Наваждение. Истинное наваждение. Тысячу раз он слышал это слово и не понимал толком, что оно значит. Не последний человек... Это много или мало? Не последний. Но и не первый, в конце-то концов, мало ли... Близкий. Но это значило всего лишь «не чужой». Кто он ей на самом-то деле? Друг? Это не она, это он назвал её так. Друг — и девочка. Девочка-друг. Он повторил шёпотом эти сказанные сегодня вслух слова, и сердце снова замерло и зачастило. Это было ново, небывало, удивительно и таинственно. Ещё пять дней

назад он и представить себе такого не мог. А теперь? Ленка, Ленка, Леночка... Она и только она. Казалось, вся его жизнь до этой встречи как-то погасла и отодвинулась. Далеко-далеко. И было её совсем не жаль.

И снова подкатило что-то тёплое и щекочущее от груди к горлу. Женька судорожно вздохнул и проморгался. Что ж это за дружба, если он уже сходит с ума даже от одной мысли? Даже от одного слова? Или с ними вообще нельзя дружить, не сходя с ума? Но тогда это называется... Женька осторожно перевёл дух. Он знал, как это называется, но примерить на себя никак не мог. Это слишком. Это не для них пока. Это неизвестно и непонятно. Он думал о Ленке как о друге. Необычном, особенном — но друге. И не решался на большее. Мысль о том, чтобы обнять её или — ещё хлеще — поцеловать, казалась ему недостойной и пошлой. «Поцелуй», «влюблён»... Тьфу! Слова-то какие, будто из глупых песенок. А то и дразнилок. Оскорбительные. Для него. А для неё? Ленка, Ленка... — посылал он ей в темноту телепатические импульсы. Приснись мне, что ли... Объясни, что ж это творится... Впрочем, нашёл, у кого спрашивать. Она тоже, кажется, не в себе. Вон как на словах замирает и захлёбывается, бедная... Реснички... Женька заморгал и упоённо рассмеялся, будто полетел навстречу низким, ярким, нависшим над крыльцом звёздам.

Тепло. Разливалось по телу из груди мягкое, разнеживающее тепло... Это она, наверное, услышала его. Или он ей приснился... Одурманенный, счастливо-растерянный, напрочь искусанный комарами, чуть пошатываясь, вернулся Женька к себе на террасу и нырнул под одеяло.

Проснулся от солнца. Глаза закрыты, а перед ними всё красно. Ничего не снилось, а на душе так радостно и благодарно, будто волшебный сон посмотрел. Или невиданный подарок получил накануне. Так он в детстве после дня рождения просыпался. Вспомнил вчерашний день — и просиял едва не ярче солнца. Вспомнил себя ночью — и хихикнул сконфуженно. А потом рассмеялся. Легко, открыто и наслаждённо. Будто сам себе доказал что-то важное и трудное. Что доказал? Он, Женька, который и теорему Пифагора до сих пор толком доказать не может... Но теперь у него за душой было такое, перед чем меркли все тео-

ремы мира. Пусть их доказывают его друзья. Бывшие друзья. У них ничего такого нет и когда ещё будет... А у него — есть. Новый друг — это целый мир. А Ленка — целая галактика, над которой они пока могут только глупо хихикать. Половина десятого... Что ж. Галактике тоже пора вставать.

Размашисто шагая по улице и сбивая мысками кроссовок с травы на обочине остатки росы, он вдруг приостановился, услышав глухое требовательное урчание в животе. Чёрт возьми, поесть забыл. Святое дело — завтрак, а забыл начисто. Что ж делать-то... Марья Степановна на чай с баранками может сегодня и не расщедриться. Ну да ладно. Там видно будет.

Толкнулся с привычным уже волнением в калитку. Заперто. Вот ещё новости. Неужто дрыхнут до сих пор? Не может быть. Уж Марья-то Степановна всегда часов с шести на ногах, хозяйствует... Постучал. Сначала — робко, костяшками, а потом — кулаком. Вышло довольно громко, и он опасливо огляделся. Уж никак не хотелось поднимать шум на всю улицу. Во дворе было тихо. Не стерпев, он ухватился за край забора и подпрыгнул. Никого. Но плёнка с парников сдёрнута, это у Марьи Степановны строго. Значит, и впрямь ушли куда-то. Интересно... Женька озадаченно заскрёб в затылке.

— Жень! — раздался из-за соседнего забора ленивый девчоночий голос. Щёлкнула калитка, и из-за неё высунулась стриженная голова Ирки Осокиной. — Чего стоишь, репу чешешь? Уехали они.

— К-как? Куда? — сдавленным голосом кукарекнул Женька. В глазах всё покачнулось. Даже перевернулось на миг.

— Ну, как... — повела полными плечами под бретельками лёгкого летнего платица Ирка. — Леночка твоя — домой, а тётя Маша... Ну, провожать, наверно. А ты не знал? Странно...

Позе столба, в которой застыл ошарашенный Женька, позавидовал бы, наверное, даже гоголевский городничий. Вся его причудливо выстроенная галактика опасно устремила к Земле, грозя несметной катастрофой. Он зажмурился даже и боялся открыть глаза, чтобы не встретить кромешную космическую тьму. Но открыл-таки, проморгался и увидел, что Ирка смеётся, щуря свои кошачьи серо-зелёные глаза.

— Да шучу я, шучу! В город попёрлись, по мага-

зинам! Да ты заходи! — призывно махнула она рукой и скрылась за калиткой.

Женька, всё ещё оторопевший, сделал несколько шагов к калитке и очнулся. Зачем ему к ней? Да ещё и после таких шуточек? А ей? Ей-то с какой стати? Что за интерес...

— Да заходи ты, не тушуйся, чего как не свой-то? — и Ирка, не чинясь, втащила его за руку в калитку. — Идём хоть поболтаем в кои-то веки. В мой сарай. Забыл, небось? Пошли!

И потащила его через двор. Сарай с флюгером на крыше Женька смутно помнил. Там у Ирки летом был игровой уголок с куклами, плюшевыми мишками и старым продавленным диваном с деревянной спинкой. Они играли тут. В домик. Сидели — и сочиняли всякие истории. А то, бывало, перевоплощались в папу и маму непослушного маленького жёлтого медвежонка, которого кормили, водили гулять и даже шлёпали за всякие шалости. Было всё это тепло и как-то уютно, но Женька успел пере забыть всё это, и лишь теперь с трудом вспоминал. Игрушек уже не было. Остался лишь диван, у которого стоял столик с модными журналами и большое зеркало на стене.

— Ну, вспомнил? — и Ирка с размаху плюхнулась на диван. Женька нехотя отметил про себя, что её летнее платье было вызывающе коротким. — Садись. Рассказывай.

— Да чего... рассказывать-то? — пробормотал Женька. Всё это было чересчур неожиданным и непонятным.

— Не понимаешь? — прищурилась она. — Не придуривайся, тебе не идёт. По тебе сейчас всё видно было. Всё-всё!

— Что — всё? — начал уже закипать Женька. — Ир, ты толком говори. Или я пойду. Чего зря болтать-то?

— Ишь какой... Да садись ты, дурной! — и дёрнула его за руку. Он успел разглядеть её ярко накрашенные ногти. И тут же оказался рядом с ней на диване. — Говорю ж тебе: интересно, — доверительно прошептала она. — Ты... И она. И вдруг — такое. Никак не ожидала...

— Да что — такое-то? Чего не ожидала? Что мы подружимся? Ну и что? Чего особенного? — нервно пожал плечами Женька.

— Да ничего, в общем, — усмехнулась Ирка, некрасиво покривив губы. — Только вот ты уже и покраснел. Ага? А с друзьями, Женечка, часами

за ручку не бродят. В нашем-то возрасте. Так-то вот. А как вы вчера прощались у калитки! Картина маслом! Так что не надо тут про дружбу...

— Ирка! — натужно покрутил он головой. Сдавило что-то в горле. — И давно ты за нами... наблюдаешь?

— Да наблюдай не наблюдай, всё и так видно. А я любопытная. И вижу такое, чего ты и знать не знаешь... Хочешь, расскажу, что ночью видела? В окно? — загадочно замер её голос.

— Ну... — растерялся Женька.

— Так вот... — облизнулась острым язычком Ирка, и её глаза странно заблестели. — Я что-то сплю плохо... Душно... От каждого шороха просыпаюсь. И слышу — ходит кто-то у них во дворе. Будто пробежали. Ну, я — к окну... Сначала испугалась даже, думала — привидение... А это она. Ну, Ленка. С крыльца сбежала. В одной ночнушке — и всё. Разутая. У них ночью фонарь горит, так что всё видно... Ну вот. Идёт как лунатик. Шагнёт — и замирает. И гляжу — губами шевелит, будто сама с собой разговаривает. Или молитву читает. Остановится, голову вот так запрокинет, на звёзды поглядит — и опять идёт. Долго так бродила. А потом под яблоней села — вот так... — и Ирка, привалившись спиной к валику дивана, скинула шлёпанцы, подтянула к себе ноги и обняла колени. Ногти на ногах тоже были ядовито накрашены. А бирюза легкомысленных кружевных трусиков заставила Женьку отвести взгляд.

— Да не журься ты, девчонок, что ли, не видал... — хихикнула Ирка. — Между прочим, на Леночке твоей, кажется, и того не было... Ой, Жень, а что у тебя с ушами? Ничего? Не обжётся? Ну-ну... Вот так и сидела. Прямо как на картине. Головку запрокинула, глазки закрыла — балдеет... Долго сидела. Я уж все колени о подоконник отдавила. Гляжу, поднялась. Идёт к дому. И вижу — щёки блестят. Слёзы. А сама улыбается, представляешь? Очуметь можно!

— Ир, а по-моему, подло вот так подглядывать... Нехорошо... — чуть смягчил Женька, представив это. Сам он, конечно, не удержался бы. Глазел бы и глазел. Но с его стороны это было бы хоть и некрасиво, но, по крайней мере, понятно. Но Ирке-то чего... — Девчонок не видала, что ли? — счёл нужным подколоть он. А у самого сладкий комок в горле и сердце заикается. Знает, Ленка этой ночью, как и он, тихонько схо-

дила с ума. Разговаривала с ним. Не зря он почувствовал это...

Женькино «нехорошо» подействовало на Ирку необычно. Она скрестила свои полные загорелые ноги по-турецки и одёрнула меж ними подол. Качнулись еле заметно маленькие острокопечные полушария груди под тонким платьем. Надо же, у Ленки они ещё еле-еле видны, а у Ирки... Но Женька тут же устыдился. Как можно сравнивать его Ленку, его Галактику с этой...

— Честно? — усмехнулась Ирка. — Таких вот околдованных — ни разу не видела. Да и ты такой же. На моих глазах такое колдовство творится, а я — и не смотри? Дудки!

— Да ну тебя! Колдовство... — отмахнулся Женька.

— А то? — шало подмигнула Ирка. — Ты ж на девок-то и поглядеть боялся. А теперь нате вам... И от неё ну никак не ожидала. Ведь ничего в ней нет. Недоросль-недотрога. Доска стиральная...

— Ирка! Не надо, а? — как сквозь зубную боль попросил Женька.

— А скажешь, не так? Вот я и говорю — колдовство... Вот расстанетесь — как друг без друга будете, а? Молчишь?

— А тебе не всё равно? — проворчал Женька, не удержавшись от тяжкого вздоха. Вздохнула в тон ему и Ирка. Женька поднял голову и удивлённо глянул на неё. Она почему-то не смеялась. Даже глаза погасли.

— Жень... А давай я вам на картах погадаю. Я умею... Не хочешь? Ну, дело хозяйское. Захочешь — заходи. И вообще — заходи, негоже старым друзьям теряться. Помнишь, как играли тут? Хорошая у нас с тобой была семейка... Да не дуйся ты, одержимый!

— Околдованный, — съехидничал Женька.

— Нет, Женя, — мягко и загадочно улыбнулась — именно улыбнулась, а не усмехнулась наконец-то Ирка. И в ней, — совсем как вчера, — промелькнуло что-то прежнее, знакомое, искреннее. — Ты теперь расколдованный. И вот это для меня открытие.

— Чего-чего? — заморгал своими судьбоносными ресницами Женька.

— А то. Понимай как хочешь. Ну, ступай, что ли. А то Леночка, чего доброго, увидит, как ты от меня выходишь... Нехорошо получится. Пошли, пошли...

И опять протащила его за руку через весь двор.

— А так — заходи. До сентября ещё далеко... — многозначительно хихикнула она и захлопнула за ним калитку.

Женька, заплетаясь, побрёл домой. Что это было? Как это понимать? Заколдованный, расколдованный... Чокнулась девка от безделья. Наблюдательница... Завидно ей, что ли? С чего? От ухажёров отбою нет... Впрочем, ну её совсем! Много чести. Но было отчего-то совестно. Будто не Ирка, а он взял и подглядел ночью за Ленкой. Совестно — и сладко. И когда долго, с наслаждением мотал головой под струёй воды из-под крана. И когда жадно жевал здоровенный ломоть белого хлеба, запивая молоком прямо из бидона. И когда смотрел — и не видел очередную серию «Четырёх танкистов и собаки» по телевизору. И, лишь когда хлопнула во дворе калитка и еле слышно зашлёпали лучшие в мире сандалии, он обо всём забыл и пулей вылетел на крыльцо. И застыл, обхватив рукой столбик. И в глазах посинело от её лёгкого, по коленочки, летнего сарафана с белыми, как маленькие молнии, строчками на кармашках. Синее на белом... Ленка, остановившись, тихонько улыбнулась ему, и он увидел, что она какая-то новая. Необычная. А всего-то лишь волосы в хвостик собрала. Но лицо её стало строже, устремлённое и от этого ещё милее. Женька распахнул глаза и улыбался во всю ширь.

— Здравствуй, Галактика! — нагладевшись, торжественно изрёк он.

— А... А почему... — смешалась девочка. Шевельнулись чуть припечённые вчерашним солнцем плечи. И замелькали короткие колючие реснички.

— Пошли! Объясню! — взял её за руку Женька и повёл в дом. — Да не снимай ты сандалеты свои, они чистые! Да и носочки, я гляжу, у тебя белые, извозишь ещё, мало ли, пыль...

— Да? Ну, я и их сниму... — и, опираясь о его руку, Леночка сковырнула с ног сандалии вместе с носками.

— Ленка, зачем? — изумился он.

— А чтобы быть с тобой на равных, — необычайно серьёзно взглянула на него она. — Ты-то босиком. Ну и я...

— Китайские церемонии... — заставил себя буркнуть предательски сияющий Женька. Он понял вдруг, что минувшей ночью соврал себе. Ему хотелось её обнять. Ну, хотя бы приобнять слегка. За плечи... Пропустив её вперёд,

он весь путь по сеням, через кухню, до комнаты боролся с собой. В самой этой незримой борьбе была какая-то сладость и благородство. А уступи он себе — и станет одной тайной меньше. Он стал очень жадным на тайны. Однако, усаживая Ленку, он не удержался-таки и нежно подтолкнул её у пояса. Девочка аккуратно присела, одёрнув сарафан, плотно сдвинув колени и подвернув ноги под стул.

— Пей, — скомандовал он, налив в кружку молока из бидона. — Намаялась, небось, по жаре-то бродить...

Ленка послушно взяла кружку обеими руками и поднесла ко рту. А Женька глядел на её руки и всё не мог отогнать назойливую, как муха, мысль. Наконец не выдержал.

— Ленка, а ты ногти когда-нибудь красила?

Леночка вздрогнула и опустила руки с кружкой.

— Н-нет... — удивлённо протянула она. — А зачем? — и пристально глядела на свои пальцы. — По-моему, и так ничего... Или?..

— Нет, что ты! Очень красиво и... просто! — с трудом подобрал неуклюжие слова Женька. — Тебе... очень хорошо. Да ты пей, пей...

— Ага... Жень, а почему — Галактика-то? — с лёгким нетерпением спросила Ленка.

Женька взволнованно прокашлялся и объявил:

— Ленка... Я сегодня полночи думал. О нас.

Она едва не поперхнулась, отставила кружку и с лёгким испугом поглядела на него.

— И... что?

Краснея, запинаясь и сбиваясь, Женька в нескольких неловких фразах изложил ей свои полуночные идеи. А она будто и не замечала его стеснения. Удивление сменилось мягкой улыбкой, а под конец её глаза заискрились восхищением.

— Здорово! — прошептала она. — Так красиво... Хотя и чудно. Знаешь... А я тоже ночью что-то раздумалась. Заснуть всё не могла. Мне всё казалось, что я... Ну, не доросла ещё до такой дружбы... Женька, это ведь ужас, как трудно. А я такая несерьёзная... Такие глупости вчера говорила... И делала...

— Ленка, да ты что?

— Не перебивай. Сама собьюсь... Ну вот, а потом думаю: и правда, что это я? Мне же хорошо. Значит, всё правильно... Значит, так и надо. И — не поверишь — так легко сразу стало! Даже петь

захотелось. И дышать... Ну, я во двор выскочила... Ходила и пела. Мысленно, конечно, — хихикнула Ленка.

— Лен, а какую песню? — облизнув пересохшие губы, спросил Женька.

— Да так, просто ля-ля какое-то... А потом под яблоней сидела, на звёзды смотрела. Там ещё самолёт летел, огоньками мигал, а я думаю: вот летят люди... И не знают, что там, внизу, сидит на траве какая-то девчонка и смотрит на них. И так странно... Сижу, комары меня кусают... во все места, а мне щекотно... Приятно даже... Я ж в одной распашонке выбежала, вот посюда... — и провела ребром ладони по верху бёдер. — Ой! — вдруг смутилась она. — Разболталась... Пряма как подружкой...

— Да ладно! Я на крыльце сидел тоже... Не в скафандре... — прыснул Женька.

— Да? Выходит, мы оба с тобой звездочётители? На равных? И на одни и те же звёзды смотрели? Вот это да... А потом ещё думала... И всё хотела тебе рассказать, но не знала как. А ты сам всё сказал. Так хорошо... Галактика... — нежно рассмеялась она и отпила из кружки. Женьке смутно показалось, что ночью он соврал себе ещё кое в чём. И, чтобы не берeditь эту опасную мысль, спросил как можно обыденнее:

— Ну? Где бродила-то? Что видела? Как там город? Не рухнул ещё?

— Ой! — отмахнулась Ленка. — Ну его! Баба Маша по магазинам затаскала, неумная-то! Ткани какие-то, нитки, тряпки... Ужас. И зачем? У нас всё точно такое же... Замучилась, — жалобно, исподлобья взглянула она на Женьку. — И так жара, а в магазинах вообще дышать нечем. А под конец баба Маша меня фотографироваться погнала, представляешь? Как так, говорит, у меня карточки твоей нет. Ну, за шкирку меня — и в «Фотографию» на углу, где площадь. Знаешь?

— А как же... Ну, а ты, конечно, обожаешь фотографироваться... — понимающе-насмешливо покачал головой Женька.

— Ты что! — возмущённо выкатила глаза Ленка. — Терпеть не могу! А там ещё фотограф... Ну прям идиот какой-то. В кресло усадил, высокое такое, неудобное. И вокруг бегаёт. Девушка, повернитесь, девушка, улыбитесь, девушка, не моргайте... — обидчиво скривясь, передразнила она.

— Ага... Скажи ещё, что тебе неприятно было...

— пробормотал Женька. Ему казалось, будто он прямо-таки обволакивает её глазами. Как удав.

— Ну... Не знаю, — смутилась Леночка. И вдруг прыснула. — Ну тебя! Смотришь как дурак!

Женька хихикнул. Как же! Стала бы она рассказывать, если б ей не понравилось! Но что-то засвербило вдруг, потянуло в груди. Как предчувствие. Нет. Как отчаяние. Ни с того ни с сего. На пустом месте.

— Ленка... Ты сейчас, небось, отдыхать пойдёшь? Устала же... — осторожно спросил он.

— Да нет... А вот купаться мы с тобой пойдём! — капризно надула губы девочка. — И никаких! Мне вчера так понравилось! — еле слышно прошелестела она, покосясь на дверь. — Я быстро! Переоденусь — и к тебе. Ну, если баба Маша за обед не усадит...

— Ты вот что... Давай через полчаса выходи на улицу. Как раз всё успеешь. И Марью Степановну не огорчишь. А то мне ещё в магазин надо...

Он судорожно вытряс из своего старого деревянного пенала рубль с мелочью и сунул ноги в кроссовки. Ленка только плечами пожала. А сама, чуть подумав, подхватила свои сандалии за ремешки и со старательной величавостью поплыла босиком к воротам. Лишь махнула Женьке на прощанье. А он смотрел. От крыльца. Потом — от ворот. Это ж она для него... Для него. Как та девочка из кино! Аж глаза повлажнели вдруг. И долго ещё стоял на улице, вспоминая, зачем выскочил. Вспомнил — и вихрем понёсся в город.

Возвращался вприпрыжку. Именно вприпрыжку: идёт-идёт да вдруг подскочит. Это он трещины на асфальте перепрыгивал. В руке была зажата квитанция. Фотограф с присущей ему скромностью лишил Женьку последнего рубля. Повздыхал, посверкал очками. «Сестра, говоришь? Ой ли...» Ему-то какое дело? И вообще, какое им всем дело до них с Ленкой? И тут же сжимал в досаде кулаки. Огляделся на улице — нет ещё Ленки, усадили-таки обедать... Мать честная, какой болван! И калитку не запер. И дом нараспашку оставил. Даже и не вспомнил. Вот это да! Хорошо, родители только вечером придут. А то задала бы дрозда... Ну, ничего. Главное сделано. А это... Ладно, ничего ж не случилось.

Ступил на крыльцо — и вздрогнул. И застыл. На ступеньках сеной сидела Ленка. Сидела скобочась, привалилась плечом и головой к лест-

ничному приступку. Она спала, сунув под щёку свою спортивную сумочку. Обе руки были совсем по-детски зажаты плотно сдвинутыми бёдрами вместе с коротким подолом сарафана. Свет из окошка над дверью падал прямо на её лицо, и девочка то и дело жмурилась и морщила тихонько сопящий нос. Ёлки-палки, а у неё веснушки! Маленькие, редкие, а видны. На самом носу и немножко вокруг, под глазами. Это солнце, что ли, их разбудило... А ещё она, наверное, тёплая во сне. Вон щека розовая какая... Тронуть? Нет. Нельзя. Проснётся — и всё. Когда он ещё увидит её такую? Стоял Женька, глотал слюну судорожно и, распахнув пылающие глаза, буквально пожирал спящую девочку. И тут Ленка вздрогнула и тихонько ноюще простонала сквозь зубы. Дёрнулась правая рука, и из неё выпало надкусанное яблоко. Покатилось и со стуком упало на нижнюю ступеньку. Женька машинально подобрал и, не отводя глаз, хрустко откусил. Штрефель. Сочный, но кислый ещё.

— А? — вопросительно вскрикнула девочка, откачнулась от приступка и ошалело заморгалла. — Женька... Ты...

Зажмурилась, глаза протёрла, руки за голову закинула и потянулась. Сладко. От души. Ойкнула, сжала колени, вскочила и сарафан одёрнула.

— Женька... Это что ж, я заснула? И не заметила...

— Ничего, — улыбнулся Женька. — Не выпалась небось... Мы ж с тобой полночи... Как ты сказала... Звездочётили?

— Ага... А ты... Ты что ж, так вот стоял и смотрел на меня? Срам какой... Ой, ещё и обслонявилась... А ты и рад небось... Сразу разбудить не мог? — и поспешно вытерлась ладошкой.

— Нет... Ты так хорошо спала... Жалко было...

— Ладно, хорош болтать! Пошли! А то вода остынет! — скомандовала Ленка и краем глаза опасно глянула на него.

И через пять минут они уже шагали тенистыми одноэтажными улицами в сторону Клязьмы. Мимо доверчивых и подслеповатых окошек. Мимо бабок на скамейках. Мимо высунутых из-под ворот и лениво лающих собачьих морд. Мимо перевёрнутых лодок, от которых так и шибало в нос чем-то крепким, терпким, смоляным. Шагали. Именно шагали, стараясь попадать в ногу друг другу. Потому что идти, соприкасаясь плечами, было просто упоительно. А Женька и

вовсе впал в какое-то невиданное ранее окрыление и словно летел, чувствуя себя единым целым — подумать только — с самой Галактикой... Временами он опоминался и снова боролся с собой, чтобы не приобнять невзначай Ленку у пояса. И будто приотставал от неё в занебесных высях. Но, победив себя, снова взлетал.

На пляже сегодня у них были соседи. Скучная парочка лет за двадцать. Сидели на песке, пили кислое «Ркацителю» из бумажных стаканчиков, морщились и лениво целовались. Женька аж приуныл поначалу: уже не сыграешь в догонялки, как вчера... А так хотелось! Но оказалось, что это можно делать и в воде. Настигать, ловить друг друга, не чинясь и не смущаясь, подхватывать и бросать, поднимая волны и целые стены брызг, дико вскрикивая и хохоча... Ленка, совсем осмелев, принялась нырять с его плеч. На суше от десятой доли таких ощущений и соприкосновений можно было свихнуться. Но вода спокойно и мудро сглаживала, облегчала и охлаждала их. Краем глаза Женька заметил, что соседи на берегу с каким-то странным, выжидающим интересом поглядывают на них. Это и смешило, и сладко подзуживало на новые шалости. В конце концов, когда от плесканий и нырков уже звенело в ушах и пора было вылезать, он решился на неммыслимую дерзость. Поднырнул под Ленку и, схватив за ноги, усадил верхом себе на плечи. Затем выпрямился и медленно, придерживая за гладкие холодные бёдра, вынес её на берег. Она только сначала вскрикнула испуганно и замолкла. И Женька слышал лишь её запыхавшееся дыхание. А может, своё собственное? Немудрено: вон ведь как барахтались...

А потом долго лежали на песке, приходя в себя. И молчали. И опять боялись взглянуть друг на друга. Женька втайне начал уже побаиваться, как бы Ленка не обиделась на эту его вольность. Мало ли что подумает... Он уже остыл, и ему казалось, что всё это проделал не он, а какой-то другой Женька, бесцеремонный, напористый и даже бесстыдный. Совсем другой: он, обычный Женька, никогда бы и не подумал о таком. Это, казалось ему, было недостойным его Галактики. И он наконец-то решился.

— Лен, а ты... Может, зря я... Это... — неуклюже выдавил он и смешался, почувствовав предательский жар в ушах.

Ленка глухо хихикнула. Не разжимая губ.

Вышло это у неё как-то не по-Ленкиному. Ехидно и чуть хитровато.

— Ничего... — прошептала она. — Пусть посмотрят... До сих пор, кажется, не очухались...

Женька осторожно покосился в сторону соседей. Те уже не целовались. Сидели в ногах друг у друга и временами, кажется, посматривали-таки в их сторону. Он прыснул и сделал вид, что закашлялся.

— Ленка, ты правда не злишься?

— Да ты что! Чего такого дикого-то? Подумаешь... А хочешь — честно? — повернула она голову к нему. Глаза были яркие и восторженны. — Я сначала, правда, ошалела. Не ожидала... Ещё там хотела тебе по макушке дать... Потом стыдно стало — чего я на тебе еду-то, тяжело же... А потом... — и она снова отвернулась, и Женька еле расслышал. — Потом... Как накатило что-то... Чуть не задохнулась... И будто лечу я куда-то... Или кружусь... Сама не поняла, но так хорошо... Вот только сейчас опомнилась... Так странно!

— Странно... — деревянно отозвался Женька. — Странно... — вскочил вдруг, подошел к краю воды, набрал в пригоршню и смочил уши. — Странно...

Переодевались за кустами. По очереди. Женька, не в силах преодолеть себя, то и дело взглядывал в сторону Ленки и видел, как сквозь листву мелькает её молочная белизна. А после — синева сарафана. И опять полыхнули уши... Ну никакого с ними сладу! И он сейчас с Ленкой опять пойдёт плечом к плечу и будет знать при этом, что под сарафаном у неё ничего нет... Ой, мамочки, так и сгореть недолго... Нет, нелёгкое это дело — с девчонками дружить.

Женька шёл впереди. Ленка сзади старательно шуршала голыми ногами по траве, отряхая их от песка. И вдруг затихла. Сделав пару шагов, он нерешительно оглянулся. Ленка сидела на корточках вполоборота к нему и застёгивала сандалии. Один. Потом, сменив опорную ногу, другой. Так, наверное, гимнастки или балерины за кулисами тапочки эти свои надевают, как их, пуанты, что ли... Глянула на него, ойкнула, вскочила неуклюже и одёрнула подол.

— Женька! Ну, опять ты... Смотришь когда надо! — жалобный укор в голосе был совершенно искренним.

— Ленка, да я и не видел ничего... Честно!

— А у самого уши горят! Эх ты! — хихикнула Ленка. — Ну-ка... Дай потушу!

И, протянув руки, коснулась его ушей прохладными ладошками.

— Эх ты... Пошли уж! — и легонько подтолкнула его вперёд себя. Но он не послушался. Какой-то вихрь вдруг поднялся в нём. И снова проснулся тот другой бесшабашный Женька.

— Ленка... — шало улыбнулся он, остро глядя на её уши. — И у тебя горят... Можно я тоже...

Женька, пристально глядя в её чуть испуганные глаза, коснулся её ушей. И понял, что не соврал. С мальчишками дружить, оказывается, тоже непросто.

— Ну, хватит. Простудишь, — улыбнулась она и перехватила его руки. И вдруг мягко прижала их к своим щекам. Тоже пылающим. Этого нехитрого откровения хватило ему, чтобы на миг потерять голову. Руки сами спрыгнули с Ленкиных щёк и обвились вокруг её плеч. Она послушно прильнула к нему. Это был всего лишь миг, после которого они, словно обжёгшись, отпрянули друг от друга. Женька нервно закашлялся. А Леночка, опустив глаза, кусала губы. Наконец они нашли в себе силы переглянуться.

— Пойдём... — шепнула Ленка и взяла его за руку.

И снова молчали. Шли рука об руку и молчали. Только лишь на мосту пришлось им расцепиться: пешеходная дорожка была слишком узкой. Налетел ветерок, и Ленка то и дело хваталась то за края подола, то за сумку. Женька, ни слова не говоря, снял сумку с её плеча. Девочка взглянула на него тепло и благодарно. С моста был виден пляж. И бывшие соседи, казалось, издали глядели на них с недоумением и разочарованием.

Он уже проводил Ленку до её калитки и шёл домой, то и дело приостанавливаясь и глупо улыбаясь. Он ни о чём не думал. Ничего не вспоминал. В пустой голове туго гудел неистовый галактический ветер. Сине-белый, с яркой солнечной россыпью. Не то волос, не то веснушек. И вдруг — внезапное «трень!» велосипедного звонка за спиной и резкий шорох торможения.

— Привет, расколдованный! — раздался знакомый и самый нежеланный голос. Женька скрипнул зубами и обернулся.

Ирка Осокина восседала на своём железном коне с видом заправской гонщицы — уверенно и небрежно, опираясь правой ногой о землю.

Штанина просторных спортивных брюк была схвачена внизу огромной деревянной бельевой прищепкой. Тесная — особенно на груди — футболка сбита вверх. Так что видна была загорелая полоска спины. А в зелёных глазах — огоньки. Как чёртики.

— Виделись вроде... — пожал плечами он.

— Гляди-ка, помнишь! А я уж думала — забыл... После такого-то купания! Ну... Тогда с лёгким паром, что ли...

— Чего? — заморгал Женька. — А ты... Ты что же...

— Ага. С моста всё-всё видела. Красиво резвились, — насмешливо повела она губами. Но получилось так, будто поморщилась от чего-то горького. — А уж как из воды выходили — это вообще отпад... А когда ласкались там, за кустами, так я вообще сомлела... Ты молодец, Женька. Совсем молодец. Только вот несмелый какой-то, но ничего...

— Ирка, да иди ты... Знаешь куда? — обрёл дар речи оцепеневший было Женька. — Чего ты шпионишь? Чего тебе надо?

— Ишь ты! Памятливый — а забыл! Я ж тебе утром всё как есть объяснила. Ничего, вспомнишь. А Леночка-то! Огонь-девка, оказывается. Теперь понимаю... Теперь всё понимаю, — прищурясь, погрозила пальцем Ирка.

— Ну и понимай, — проворчал Женька и пошёл к своей калитке. — Дура зацикленная...

— До скорого, Женечка! — донеслось ему в спину, и зашуршали колёса, и затренькал на ухабах звонок.

Он плюнул и закрыл за собой калитку. Закрыл — и изнеможённо привалился к ней спиной, прикрыв глаза. Дура и дура, чего там... А руки ещё помнили тепло и упругость Ленкиных плеч, так и поднимались сами, всё ещё силясь повторить их нехитрые изгибы, бугорки лопаток, спинную ложбинку... Не успели насладиться — так коротко, так мгновенно случилось это. Нет, дома оставаться нельзя. Он не выдержит, он с ума сойдёт! Наскоро повесил на верёвку мокрые плавки, выскочил за ворота и вприпрыжку побежал к дому Марьи Степановны, лихорадочно придумывая, как объяснит своё появление. И, открывая калитку, нос к носу столкнулся с Ленкой. Она была уже вечерняя — в джинсах и олимпийке. И волосы, как раньше, вольно распущены по плечам.

— Ты? — распахнула она глаза. — Уже?

— Ага... — промычал Женька. — А ты...

— Я? К тебе... Баба Маша ушла к кому-то...

На день рожденья, что ли... А чего мне одной-то... Вот я и... — опустила глаза «огонь-девка». Женька только сейчас вспомнил это, и его разобрал неудержимый смех. Нет, не страшны ей никакие зацикленные дуры. Им никогда не подняться до неё.

Он опасливо поглядел на Ленку и увидел, что она тоже смеётся. Так стояли и смеялись, то и дело взглядывая друг на друга. Так, задолго до своего часа, начался для них вечер.

— Жень, а знаешь... — упорно глядя себе под ноги, проговорила Ленка, когда они в тесную притирку шли всё теми же улицами, наугад поворачивая на перекрёстках. — Ирка-то, соседка, сейчас опять на меня глазела. Прикатила откуда-то на велике, в дом шмыгнула. Я как раз тряпки купальные развешивала. А она, вижу, зыркает из-за занавески... И что у неё на уме...

— А ну её, — проворчал Женька. Как хорошо, что Ленка всего не знает!

— Ты гляди... — вздохнула она. — Мне-то что... А вот ты, кажется, скоро станешь знаменитым... Вы ж в одной школе учитесь? Вот и думай...

— Да вот ещё! Поболтают и перестанут, эка невидаль! А вообще... — вдруг дрогнул и притих его голос. — Вообще, вся эта школа, класс, друзья... Всё это как-то далеко-далеко... Как отрубилось...

— Вот-вот... И я о том же хотела... Вернусь, как из космоса... Всё знакомое, а чужое какое-то... И все чужие. И никто ничего не знает. И никогда не узнает, где и как я летала. В другой галактике... — и, осторожно улыбнувшись, искоса взглянула на Женьку.

Он чуть помрачнел, ясно почувствовав скорое расставание. Это по-настоящему пугало его. Он уже не представлял себя без неё. Как он будет вставать по утрам, ходить по этим улицам, смотреть вечерами на звёзды — и с ним не будет Ленки... И что с того, что он так жил столько лет до этого? Когда это было? Зачем это было? И было ли вообще? Ведь к этой жизни придётся привыкать заново. Как после тяжёлого ранения. Снова учиться ходить, говорить, думать... Но давать волю этим тяжким мыслям было нельзя.

Пустели потихоньку улицы. Только бабки, пожёвывая и лениво отхлёстываясь веточками от

комаров, домучивали на скамейках последние новости и сплетни. Когда Ленка с Женькой проходили мимо, они дружно замолкали, а потом снова начинали частить наперебой. Леночка только улыбалась. Загадочно и шало, как будто во сне. Хорошем. И запретном.

— Ленка... — замирая, решился Женька признаться. — А у меня будет твоя фотография... Я заказал...

Леночка приостановилась и удивлённо распахнула глаза. Но тут же рассеянно потупилась и прибавила шагу.

— А я догадалась... Пусть будет, — еле слышно донеслось до него. — А ты мне пришлешь? Свою?

— Конечно... — чуть замешкался он. — Ты... Правда, этого хочешь?

Леночка приостановилась, обернулась, твёрдо взглянула на него и кивнула. И засветились, заискрились её глаза.

— Женька... — покусав губы, выдохнула вдруг она. — Со мной что-то такое творится... Знаешь, я раньше иногда жалела, что девчонкой родилась... Не веришь? А теперь... Только теперь... С тобой... Поняла, как это хорошо...

— Да ну... — смутился Женька, ещё раз вспомнив свои геройства на речке. И вдруг что-то как толкнуло его изнутри. Будто обожгло. Смысл её слов только что дошёл до него. «Осёл... Какой осёл», — неслось в голове, а пересохшие губы выговаривали немыслимое.

— Ленка... Я сегодня... Не просто так. Я давно хотел тебя обнять. Вот...

Сказал — как застрелился. А Ленка лишь плечами повела, обогнала его, сделала три-четыре коротких шажка и обернулась. Не улыбалась. Глядела ему в самые глаза пристально.

— А я всю дорогу только и ждала... И сама... Хотела... — опять стала вдруг давиться словами она. — Ну, может, не обнять... а так... Ну, прижаться, приласкаться... Мне хватило бы...

— Лен, а если так... — и, охваченный новым внезапным сумасшествием, Женька приобнял её сзади у пояса. — Это... не слишком?

Ленка замерла на миг и медленно повернула к нему голову.

— Слишком! — безуспешно попыталась она изобразить возмущение. И вдруг рассмеялась. Коротко и восхищённо. Похоже на растянутый «ах...». — Но мне нравится, — объявила она, ко-

кетливо поджав губы. А потом торопливо, шёпотом: — Женька, я тоже хочу...

И он почувствовал, как её рука осторожно легла сзади ему на пояс и, кажется, зацепилась пальцем за ременную штрипку.

— Вот так и пойдём, — опять почти беззвучно шевельнулись её губы. — Ладно?

И всё будто исчезло куда-то. И улица, и весь город, и сумерки наступающего вечера. И ноги уже не чувляли земли. И только сердце, одно только сердце колотилось гулко и беспощадно, как при невиданной космической перегрузке. И тепло было рукам и плечам. И не было уже тех прежних неловких касаний и столкновений. Они теперь знали, как надо идти вместе. Нет, лететь. Женька так и спрашивал её, когда опоминался:

— Летим?

И при её коротком рассеянном кивке чувствовал щекой и шеей Ленкины волосы. Лёгкие и яркие, как галактическая пыль.

Время тоже исчезло. Минуты и часы уходили незаметно, и сколько их пройдёт, пока вернуться они на Землю, им было неизвестно. Опомнились они уже далеко за городом, у старой сосны на берегу полузаросшей речки. Это место мальчишки называли «бездонкой». Здесь, по местным преданиям, водились огромные, как акулы, шуки и иногда оживали утопленники. Уже совсем стемнело, и Женька ещё пару дней назад не пропустил бы случая рассказать Ленке пару страшилок, но сейчас даже и не вспомнил об этом. Так сладко и одуряюще молчалось ему в обнимку с ней.

— Жень, а как же... — будто проснулась Леночка. — Темно... А я и не заметила... Где мы?

— Прилетели... Межпланетная станция «Бездонка»... — пробормотал Женька, очарованный звёздным небом. — Ты только погляди, красотища-то...

— Ой... правда! Вот это да!

Пригорок, на котором они стояли, резко обрывался крутым берегом. И перед ними было небо. Огромное, глубокое, в неярких ещё, но манящих и крупных звёздах. Они будто плыли, дрожали, остро подмигивали и, если на миг зажмуриться и открыть глаза, виделись каждый раз иначе, по-новому. И в этом калейдоскопном волшебстве, казалось, можно было ощутить стремительный полёт Земли. Август... Время близких звёзд.

— Бездонка? — очарованно прошептала Ленка,

ошеломлённо и жадно распахнув глаза. — Это потому, что небо бездонное?

— Не знаю... — смешался Женька. — Наверно...

Ему никогда и мысли такой не приходило. Вот так Ленка!

— Жень, а давай позвездочётим? Так, вон Большая Медведица. Вон Полярная звезда... А вон Орион, на букет похож... — повела пальцем Леночка, откинувшись на его плечо. — Или на салют... А... Ой, а больше я не знаю... Давай ты!

— Да я тоже... Осенне-летний треугольник знаешь?

— Нет... А где?

— А гляди. Прямо над головой у тебя... Вон, видишь? Ага... — устремил он палец в зенит, всё ещё приобнимая Ленку другой рукой. Девочка запрокинула голову ему на плечо. — Это Денеб, альфа Лебеда, — вещал Женька, чувствуя, как странно, вместе со звёздами, плывёт его голос. — Вон, правее, Альтаир, альфа Орла, — мягко повернулся он вместе с Ленкой. — А вон там, за Денебом... Нет, не поворачивайся, потеряешь... Так смотри... Да не упадёшь, я держу... Видишь? Вега, альфа Лиры...

Леночка совсем выгнулась назад и почти легла на его руке и плече.

— Правда, треугольник... Да ты прирождённый астроном! А ещё?

— А вон Млечный путь... — отозвался Женька совсем уже непослушным языком. — Ленка, это ты.

Девочка легонько вздрогнула, выпрямилась и пристально оглядела его.

— Я? Почему?

— Потому что ты — Галактика. Потому что ты белая. Как молоко... Помнишь, сегодня утром... — слова еле выталкивались, так близко были разомкнутые Ленкины губы, так слышно было её частое дыхание. — Ты молоко пила... Белое... и...

Дальше он не мог говорить. Потому что губы не слушались его. Они тянулись. И ничего поделать было нельзя...

Но тут Ленка вдруг прыснула, отпрянула и рассмеялась. Громко. Открыто. Заразительно. Женька стоял столбом, не в силах отдышаться. А Леночка звонко хохотала, едва не сгибаясь пополам.

— Чего ты? — чуть опомнившись, выговорил он. Колыхнулась где-то глубоко досада. Нет, обида даже. Горько-приторная такая, незнако-

мая, новая. Но его уже распирал смех. Уже тряслись плечи.

— Женька! Ой, не могу... Смешинка попала... Ой... Задыхаюсь... — заливалась Леночка. Схватила за его руку, прижалась к ней легонько, отдышалась. — Жень, что с тобой? — всё ещё хихикая, выдавила она.

Он в ответ тоже хихикнул. Сдавленно и растянуто. По-козлиному. И, глядя на него, снова согнулась в хохоте Леночка. С минуту, как заведённые, смеялись они оба. Громко. Чуть грубовато. Не нежничая. Так надо было: Женька чувствовал, как проходит, отступает, отпускает его казавшееся непреодолимым наваждение.

Обратный путь оказался Женьке очень длинным. Что-то непреодолимое — и, как он чувствовал, мудрое, не давало ему воли прикоснуться к Ленке. Шли порознь, и лишь время от времени она брала его за руку. И только это уверяло его в том, что всё только что минувшее — было. Было на самом деле. И не зря.

И уже в начале их улицы Ленка вдруг остановилась под негорящим фонарём, повернулась к нему и крепко вцепилась в его руку.

— Женька... Спасибо тебе. За весь этот день спасибо... Я... просто не знала, что так бывает...

— И тебе... — завороченно прошептал он. — Ленка... А что завтра-то будет?

— Не знаю... Даже боюсь! Но поскорее бы! — и искорки её глаз вскинулись на него доверчиво и смело.

Уже у дома Марьи Степановны, после обычно «до завтра!», Ленка шагнула было к калитке, но вдруг замерла на миг, обернулась, подскочила к Женьке и коротко, беззвучно поцеловала его сухими губами в щёку. Будто клюнула. Отпрыгнула, махнула ему неуклюже и исчезла. Неловко держась за щёку, он растерянно взглянул на калитку, потом — с опаской — на забор соседнего дома и побрёл прочь.

Дома уже все спали. Даже отец, досмотрев любимый футбол, с весёлой присвисточкой храпел на диване. Ложиться было немислимо: всё равно не заснуть. Женька весь был переполнен разнобоями чувств — и нежных, и яростных. Они клубились, вздымались в нём, перехватывали дыхание. Так, что казалось, вот-вот лопнут голова и грудь. Он вышел во двор и долго сидел на скамейке под яблоней, жадно дыша и наслажденно вглядываясь в

безмолвное и огромное звёздное небо. Оно словно участливо склонилось над ним и рисовало причудливые объёмные, вытянутые в бесконечность картины. Оно будто звало его, ободряюще подмигивало и поднимало в полёт. И казалось ему, будто он уже летит, летит, вольно раскинувшись и медленно кружась. Звёзды, приближаясь, расступаются, и всё ближе Млечный путь... «Светятся, дивные, светятся, чудные...» — вспомнилось ему из песни, которую мама когда-то пела ему как колыбельную. Женька рассмеялся взалёб и испуганно хлопнул себя по колену. И тут же с дерева сорвалось яблоко, шелестнуло в листьях и глухо стукнуло в морковную грядку. Именно таким вот яблоком, наверно, и получил по лбу умник Ньютон, после чего открыл закон всемирного тяготения. А его, Женьки, этот закон коснулся только сейчас. И, кажется, тут же потерял силу. Вот он, Млечный путь. Едва не над самой крышей дома. Едва не у самого крыльца. Ступай — и иди. Ленкина дорожка. Будто и впрямь она босиком по небу пробежала. Женька сладко зажмурился. И частило, частило с непонятным призвоном сердце.

Нет, не сердце это. Правда, звенит что-то на улице. Вернее, позвякивает тоненько, еле слышно. Шаги... Редкие, будто усталые, чуть пришаркивают и прихлопывают, будто в шлёпанцах кто-то идёт. И лёгкое серебряное — звяк, звяк, звяк... И тут шерохнуло что-то, будто камешек под ногой, и всё затихло. Только будто тень чья-то у палисадника... Женька встрепенулся и, повинуясь неясному импульсу, вскочил и бросился к воротам. У палисадника, держась обеими руками за штаткетины, стояла Ленка. Всё такая же. Тёмно-синяя. Бело-золотая.

— Ленка! Ты? — приглушенно окликнул он, выбегая за ворота.

— Я... — отозвалась девочка и подалась к нему, всё ещё держась одной рукой за забор, будто упасть боялась. Лицо... Что-то случилось с её лицом, оно было как мраморная маска — неподвижное, безжизненное. И только искорки глаз горели на нём перепуганно и вопросительно.

— Ленка, чего ты... Что с тобой... Ну, говори же... — бормотал он, неуклюже тиская её руку.

Она судорожно вздохнула, покачала голо-

вой, отпустила штaketину и перехватила его руку. Сжала. Изо всей, кажется, силы, аж больно стало.

— Женька... — прошептала. — Женька... Не знаю, что делать... Женька!

Зажмурилась и, будто собравшись с силами, выпалила:

— Я завтра уезжаю!

— Что? Как? — аж горло сжалось, и выдавливались одни лишь вопросы, жёсткие и колючие, как неудачные огурцы. — Почему? Ты... Ты не шутишь?

Ленка шагнула вплотную и приникла лбом к его плечу. Он услышал всхлип. Тоненький-тоненький, совсем детский. Женька и подумать не мог, что она может так. Нежно и жалостливо заныло в груди. Он отпустил её руку и неловко, неверно, боязливо коснулся её затылка.

— Ленка... Ну, не молчи же, говори... Что случилось?

— Телеграмма... — растянуто плыл её голос между всхлипами. — Срочная... Пока мы гуляли... Родители... Выезжают симферопольским поездом... Едут уже... Завтра... В одиннадцать... В Москве.

— Что-что? А... — вспомнил наконец Женька недавний ещё, но уже забытый разговор и вздохнул. Тяжело и обескураженно. — Собрались-таки... Вот ведь... Лен, а никак нельзя...

Леночка отрицательно качнула головой. Женька закусил губу. Ему показалось, что сердце, замерев, проваливается куда-то в непроглядную вязкую тьму.

— Пойдём, Ленка... — сцепив зубы, глухо говорил он. — Во двор пойдём, чего тут стоять... Давай-давай, у меня все спят...

— Как снег на голову... — по-прежнему сквозь зубы, изо всех сил сдерживаясь и преодолевая предательскую щекотку в носу и глазах, шатающимся шёпотом говорил Женька. Ещё не хватало разреветься при ней! — Я-то думал, долго ещё... Я и забыл об этом юге твоём, ёлки-палки... И вот-те здрасьте!

Они уже сидели на скамейке. Рядышком. Вплотную. Ленка вдруг, всё ещё всхлипывая, взяла его руку, пригнулась под неё и положила себе на плечи, прижав его ладонь к своей щеке. Горячей и мокрой.

— Женька, я не хочу! — прошептала она. — И не хотела... Нет, я сначала хотела, но потом...

Ты. Я тоже забыла... А сегодня... прихожу — и баба Маша... с телеграммой... Я даже сандалики не застегнула, только ноги сунула — и к тебе... Слышишь, звенят? — и чуть притопнула.

— Слышу... — замогильно изрёк Женька. — Хорошо звенят. Как шпоры...

Ленка напряжённо, нехотя хихикнула. Лучше б молчала, ей-богу. Женька почувствовал, как неудержимо влажнеют его глаза.

— Я... так привыкла к тебе... Как приросла, правда... И вот... Завтра ничего уже не будет... Представить не могу... — а глаза бунтуют. Будто просят его придумать что-нибудь. Обнадёжить. Хотя бы просто приласкать...

— Ленка! Я тоже. Мне... без тебя... будет очень трудно... — собрал последние силы Женька. И его вдруг прорвало. Он шмыгнул саднящим носом и сморгнул. На щёки брызнуло. Горячо. И, кажется, очень солёно, аж защипало. — Ленка, ты... Ты для меня — всё... Как жизнь... Как воздух... Понимаешь... И вот теперь...

Ленкины пальцы вдруг опять накрепко сжали его руку. Она оторвала её от щеки. И поцеловала. В костяшки, где пальцы начинаются.

— Женька... А я... Помнишь, я тогда сказала тебе... Что ты... Ну, не последний для меня человек? Помнишь? А вот теперь знай, что ты — главный человек в моей жизни. Самый главный, понимаешь? Самый-самый!

— Ленка! — порывисто всхлипнул, как всхрипнул, он и изо всей силы обнял её. Обеими руками. Неуклюже. По-медвежьи. Будто боясь, что её прямо сейчас у него отнимут.

Ленка резко вздохнула, и её руки тесно обвились вокруг его шеи и плеч. Соприкоснулись щёки.

— Ой, Женька... — прошептала она. — Это... это ты ревёшь... Или я?

— Вместе... — с мукой выдохнул он. — На равных...

И опять что-то случилось со временем. Короткие минуты вдруг потяжелели и удлинились бесконечно. Кончились полёты, и земное время потекло медленно, как холодный тёмный кисель с блёстками звёзд. Близко были звёзды. Прямо над ними. Казалось, они висят, как яблоки в листве, над их головами. И глядят на них тепло и участливо. Но Млечный путь лежал теперь выше и чуть в стороне. Над чьей-то другой крышей...

В эту ночь Женьке долго не спалось. В гудящей голове снова и снова, как старые ускоренные кинокадры, пронеслись эти сумасшедшие дни. Он ворочался, стонал сквозь зубы без голоса, как тяжелораненый. И опять заново переживал их последнее уже сегодняшнее расставание у калитки. Это нужно было сделать быстро. Как обрубить. А они не могли. Так и стояли, твердя друг другу по очереди свои адреса. Он обещал ей писать каждый день и, напуская на себя рыцарскую твёрдость духа, сквозь зубы восхищался, что первое обещанное Ленкой письмо придёт к нему с берега Чёрного моря... Ленка, не отпуская его рук, шептала, что приедет на зимние каникулы. Она приедет. К нему. Для него. И, когда прозвучало такое желанное ещё несколько часов назад «до завтра», Женька скривился, будто разжевал что-то жгуче-горькое. Ленка махнула было ему рукой, но вернулась от самой калитки, вскинулась ему на шею, прижалась изо всех сил и замерла напряжённо.

— Всё... Всё, Женька... Не могу...

На последнем слове её шёпот тонко зазвенел. Тоньше звона пряжек на сандалиях, когда она в следующий миг бросилась к калитке и исчезла за ней.

Он скрипел зубами, кусал губы. Может, и помогли бы ему слёзы, но он весь как пересох. И, наконец, стали одолевать страхи. Такие бредовые, что Женька, не знакомый ещё со злыми шутками бессонниц, подумал, будто всерьёз сходит с ума. Вдруг что-то случится с Ленкой? А его не будет рядом? Вдруг Ирка Осокина, зацикленная дура, узнает у Марьи Степановны Ленкин адрес и напишет про него какую-нибудь гадость? Вдруг Ленка, вернувшись домой, одумается, остепенится, посмеётся над летними глупостями и не станет писать ему? Или нет. Она напишет. Она всё честно напишет. Она такая. Мол, прости, Женечка, заигрались мы с тобой. Рано нам с тобой всё это. Пошалили — и хватит. И ведь будет права. Может, и хорошо, что она уезжает, а то... Этот страх был самым чудовищным и невыносимым.захотелось взвыть по-волчьи. И Женька, опомнившись и стряхнув его с себя, долго мотал тяжёлой, чугунной башкой и глупо улыбался, решив, что окончательно свихнулся. И этот вывод почему-то успокоил его. Он заснул.

Мама разбудила его в семь. Нет, уцелел-таки вчера его рассудок, если он догадался оставить ей на кухне записку. Правда, как писал её, он совершенно не помнил.

— Чего в такую рань-то?

— Ленку провожаю, — сумрачно буркнул он.

— Вон как... — и мама присела на стул у кровати.

— Уезжает, значит, твоя Белоснежка... Жалко. Чего так рано, побыла бы ещё, до школы далеко...

— А, семейные обстоятельства... — поморщился Женька.

— Ну-ну... А не зря, выходит, мы вас познакомили. Вот видишь, можно, оказывается, и с девчонками дружить!

Женька только вздохнул. Эх, знали бы они, чего наделали!

И сонно закружил по комнатам, собираясь на расставание. Почистил брюки и кроссовки. Надел белую рубашку. Жених, одно слово! Не выдержал и плюнул, увидев свою глупо-смурную рожу в зеркале. И тут же расплылся в непрошеной, неожиданной улыбке. Белоснежка! Надо же! Ему и в голову не пришло так назвать её! А ведь и правда — Белоснежка! Рассеянный взгляд скользнул по авиамоделям, и руки сами потянулись к истребителю «И-16». Он ещё боролся с собой, уверял себя, что это не нужно и глупо, но руки были умнее. Они бережно отцепили самолётик от подставки.

Так и ввалился он во двор Марьи Степановны — приодетый, вычищенный, гладко причёсанный. Даже чёлку свою дурацкую на пробор зачесал. А вместо цветов — самолётик. Он держал его за спиной. Пусть Ленка удивится. Или посмеётся хоть, всё не так тоскливо...

А она уже ждала его на крыльце. Всё та же Ленка. Ничуть не прощальная. Вчерашняя. Синий сарафан, белые носочки да сандалии. Она тут же сбежала к нему по ступенькам, приостановилась нерешительно, и в этот короткий миг, увидев её красные и припухшие глаза, Женька понял, что смеяться она не будет. Ленка молча шагнула к нему вплотную и знакомо прикинула лбом к его плечу.

— Здравствуй, Галактика... — прошептал он. Голос на последнем слове внезапно сел.

— Здравствуй... Женька, ерунда какая-то... Я всю ночь не спала... Мне всё казалось...

— Знаю. Всё знаю. Не рассказывай, а то... — и свирепо проморгался.

— Не буду... Ой! А что это у тебя? — заглянула она ему за спину.

— Это? Подарок. Тебе. На прощанье. На память о полётах... Держи! — и торжественно протянул ей самолёт.

— Ой, Женька... — зачарованно протянула Леночка, бережно взяв его обеими руками. — Может, не надо, а? Это ж твой любимый самолёт, ты так о нём рассказывал...

— Только потому, что он тебе понравился. Он твой, Ленка. Владей... И вспоминай, — тяжело вздохнул он.

Её измученные глаза вдруг распахнулись и вспыхнули улыбкой. Девочка поднесла самолёт к лицу и осторожно поцеловала. В пропеллер.

— Женька, так здорово... У меня будет твой самолёт. Который сделал ты. Я... я его у себя над столом повешу. Нет, лучше над кроватью. Да. Над кроватью. Буду засыпать, просыпаться — и вспоминать... Спасибо! — и аккуратно — точно так же — поцеловала его в щёку. Женька вспыхнул.

— Вот так да, уже целуются! — раздался с крыльца голос Марьи Степановны. — Алька, поторапливайся, а то опоздаем! — и, шлёпнув на ступеньки небольшую, длинную, как колбаса, дорожную сумку, она исчезла за дверью.

— Лен... — совсем упал Женькин голос. — Она что — с тобой едет?

Такого поворота Женька никак не ожидал. Аж сжался весь.

— А как же... Надо ж повидаться с родными... А ты тоже хотел? Женька, прошу тебя, пожалуйста, не надо! А то я совсем расклеюсь и натворю чего-нибудь... И так еле держусь. Тут только до вокзала, ладно? Ну, ради меня, Женья! Не обижайся...

Он сумрачно кивнул.

Всю дорогу в автобусе до вокзала Женька стоял на задней площадке и рассеянно глядел в окно. А в голове проносились обрывочно безнадёжные мысли. Вот бы автобус сломался и электричка ушла... Вот бы случилось что-нибудь и поезда не ходили... Вот бы... Вот бы...

Но, как назло, успели вовремя. Электричка уже пришла под посадку. До её отхода оставалось минут десять. Марья Степановна торжественно и крепдешиново восседала в вагоне. Ленка выскочила к нему на платформу.

— Ну... вот и всё? — прочитал он по её губам. А по глазам читать было нечего. Вот-вот хлынет из них. Как из крана.

— Ленка, только не реви, прошу тебя... Чего тут осталось-то... Раз, два, три... Четыре месяца! Ты ведь приедешь? Приедешь?

— Приеду, — кивнула девочка. — Но... пусть у нас всё будет так же... Как было. Понимаешь?

— Леночка... — впервые назвал её так Женька и запнулся.

Взявшись за руки, они долго глядели друг на друга молча. У Ленки сморгнулись слезинки. И у Женьки даже хватило сил мысленно удивиться, какими красивыми бывают плачущие девчонки...

— Женька, только прошу тебя, не забывай. Пиши... — не выдержала она. — Каждый день не надо, запутаемся, лучше по очереди, ладно?

— Не вытерплю... Тебе-то хорошо — отдыхать едешь... А мне оставаться... — и отчаянно скривился. Только бы и впрямь не зареветь.

— Вытерпим, Женька. Мы должны. Всем назло... Ну, всё, пора... — решительно выдохнула она. — Женька... Ты только не жди, когда электричка поедет, ладно? А то я выскочу... Ну, прощай! — и вскинулась ему на шею. Женька крепко прижал её к себе. Будто к самому сердцу. И от её мягкого тепла стало на миг легче.

— До свиданья, Ленка... До встречи, — горячо и надсадно зашептал он ей в ухо. — Моё чудо... Моя Галактика... Моя Белоснежка...

Он больше не боялся нежностей. Он наговорил бы ей ещё и ещё, но не находил настоящих, непошлых слов. Так и стояли они, обнявшись и забыв обо всём вокруг. Пусть оглядываются бредущие мимо пассажиры. Пусть хихикает за окном Марья Степановна... Пусть хоть рухнет весь мир. Галактика останется...

— Жень, хватит... А то смотрят, нехорошо... — шепнула Ленка и мягко вывернулась из его рук. Махнула ему из тамбура и появилась в окне позади Марьи Степановны. Слёзы в глазах и на щеках слёзы, а на губах — улыбка. Вспыхивает и гаснет, как лампочка на ёлочной гирлянде. Нарисовала на пыльном стекле рожицу, приложила ладошку и припала губами к пальцам.

— Это тебе за Белоснежку... — крикнула она, открыв окно.

Женька из последних сил улыбнулся ей. Мах-

нул руками над головой и опрометью бросился от вагона. Выскочив с платформы, он понёсся на Переездную улицу: там была колонка.

Долго, фыркая и всхлипывая, умывался он под студёной струёй. И вдруг замер, услышав свисток и стук колёс. Мимо переезда в конце улицы уходила Ленкина электричка. Он стоял и замороженно глядел на мелькающие вагоны. Правая рука машинально удерживала рычаг колонки, струя била в землю, разбрызгивалась, и его кроссовки и брюки были мокры. А в груди застыл, как заморозился, испуганный, почти предсмертный крик: «Останься, Галактика!»

И тут он вздрогнул, почувствовав лёгкое прикосновение к своей руке. Лёгкое и нежное, ласкающее. Ёкнуло и провалилось сердце. Неужели... Бывают же чудеса... Бывают же? Он медленно обернулся. Нет, не бывает чудес. Перед ним стояла Ирка Осокина. В непривычно скромном клетчатом платьице с бантиком-цветочком на груди. Она взяла его руку и с усилием отцепила от колоночного рычага. Стало тихо. Женька рассеянно оглядел свои промокшие ноги. Потом Ирку.

— Ты?.. — всхлипнул. И нестерпимый жар прилил к лицу.

Но Ирка не смеялась. Только улыбалась участливо. А крыжовенной зелени глаза были серьёзны, пристальны и... почти что красивые.

— Я... Всего лишь я, — как-то виновато перевернула плечами она. — Ну что? Долгие проводы — лишние слёзы?

Он молчал, кусая губы.

— Женька, я всё видела. С моста, — торопливо зачастила Ирка. — Знаешь... Меня вот так никто никогда не провожал...

В нём мимолётно колыхнулось что-то неприятное, но тут же улетучилось. Но не хотелось ничего говорить. Навалилась вдруг непонятная, чудовищная усталость. Он лишь пожал плечами.

— Жень, я понимаю, тебе надо одному побыть. Держит она тебя. Ничего, денёк-другой — и отпустит. Она не будет тебя мучить. Она тебя любит... — и Ирка горестно покачала головой. — А то приходи. Честно, без дураков. Вместе погорюем. Даже поревём... Со мной можно.

Женька удивлённо поморгал на неё и глянул в сторону переезда. Оттуда — издали — ещё слышен был стук колёс и подвывание убегающей в Москву электрички. Дрогнули губы. Он повернулся и медленно, волоча мокрые, прихлывающие в кроссовках ноги, побрёл по улице. Ссутуленной спиной он чувствовал напряжённый Иркин взгляд. Долго чувствовал. А потом лягнула колонка и хлынула вода. Но оборачиваться не было никаких сил.

□

Александр Владимирович КОЗИН

родился в 1971 году в Павловском Посаде Московской области.

Окончил филфак Орехово-Зуевского пединститута.

Около 5 лет проработал учителем в школе.

Сейчас редактор оперативной информации на одном из московских телеканалов.

Пишет прозу.

Публиковался на страницах журналов «Север», «Подъём», «Дон»,

«Сибирские огни», «Сибирь», «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Москва».

Живёт в городе Электросталь Московской области.

